

A movie poster for the Russian film 'Evgeniy Nikitin in the Shadows of the Equator'. The central figure is a man, Evgeniy Nikitin, dressed in military-style cargo pants and a vest, holding an assault rifle. He is standing on a wooden raft in a tropical jungle setting. To his right, a massive, green and brown shark is shown in a close-up, with its mouth wide open, revealing sharp teeth and a red tongue. The background features a waterfall, palm trees, and a dramatic sky with lightning. At the top, a decorative banner contains the Russian text 'НАШИ ТАМ'. At the bottom, the actor's name and the title are written in large, stylized letters.

НАШИ ТАМ

ЕВГЕНИЙ НИКИТИН

В ТЕНИ
ЭКВАТОРА

Наши там (Центрполиграф)

Евгений НИКИТИН

В тени экватора

«Центрполиграф»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Никитин Е. С.

В тени экватора / Е. С. Никитин — «Центрполиграф»,
2021 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-09342-4

В центре тропической Африки, в бассейне реки Конго, таится загадочное Ликвальское болото. Оно скрыто от посторонних глаз густым покровом непроходимых джунглей. Еще ни одному европейцу, ни одной экспедиции, отправившейся туда, не удалось вернуться назад. По слухам, там водятся динозавры, а инопланетные цивилизации создали свою базу. Лишь Михаилу Кремневу, молодому военному переводчику, угодившего в Ликвальское болото после авиакатастрофы, спустя два года удалось вернуться. Какую тайну хранят в себе эти места, как удалось Михаилу уцелеть в африканских джунглях? Какие приключения он пережил?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09342-4

© Никитин Е. С., 2021
© Центрполиграф, 2021

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	35
Часть вторая	40
Глава 1	40
Глава 2	47
Глава 3	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Евгений Никитин

В тени экватора

Часть первая

Глава 1

Сквозь толстое, слегка запотевшее стекло иллюминатора в основном различимы одни лишь таинственные джунгли, что накрыли плотным, мокрым, зеленым ковром все пространство внизу. Под летящим самолетом, куда ни взгляни, лишь сплошная изумрудная стена влажного тропического леса, рассеченного на гигантские куски темно-синей изломанной сеткой притоков великой африканской реки Заир (Конго). Михаил прильнул к холодному стеклу по левому борту и, наспех оттерев рукавом гимнастерки проступившую влагу, силился рассмотреть посадочные огни долгожданного аэродрома. По времени где-то там впереди вот-вот должен показаться заирский город Мбандака, конечная цель их странного путешествия, а вместе с ним и будоражащий воображение вожделенный экватор. Мбандака находится в каких-то шести километрах к югу от него.

Два часа назад они беспрепятственно вылетели из аэропорта города Дундо, что затерялся в джунглях на северо-востоке соседней Анголы. И все это время их Ан-12 без особых приключений парил над тропической частью Заира. Причем полулегально, не выходя на связь и держа курс строго на север – в самое сердце сопредельного с Анголой государства.

Миша Кремнев, что щурил глаза возле иллюминатора, был военным переводчиком из советской миссии в Анголе, двадцати четырех лет от роду. Ему с самого начала не приглянулось это довольно странное задание, попахивающее авантюрой. Михаил с тоской разглядывал угрюмо-неласковые джунгли, освещенные ярко-розовым закатом, и от нечего делать стал вспоминать вчерашнее утро в Луанде.

– Товарищ полковник, военный переводчик лейтенант Кремнев по вашему приказанию явился! – бойко отрапортовал подтянутый рослый голубоглазый офицер, войдя в кабинет к командиру группы советских военных специалистов полковнику Семенову.

– Вольно! Подсаживайся к столу! Не стесняйся. Кремнев, как у тебя с испанским и французским? – поинтересовался полковник, усаживаясь напротив.

– Отлично! Я и португальским языком, и испанским, и французским одинаково хорошо владею, – слегка зардевшись, отозвался Михаил, опускаясь на предложенный стул.

– Молодец! Тогда слушай боевой приказ. Сейчас поедешь на наш аэродром, а оттуда полетишь в Дундо. А с Дундо надо прямо завтра утром сгонять в Заир. Ясно?

– Ясно, товарищ полковник. Но Заир другая страна. Могут сбить.

– Могут, – согласился Семенов. – Но это сейчас маловероятно. У них система ПВО полная дрянь. Сам знаешь. Тем более полетите с опознавательными знаками заирских ВВС. Там разгрузитесь и сразу назад, в Анголу. Обрато заберете кубинских товарищей. Все понятно?

– Понятно. Но вы сказали «кубинских товарищей»? Мне не послышалось? А что они в Заире делают?

– Не послышалось! Кубинских! Слушай, Кремнев, ты что такой любопытный? Ты сколько в Анголе?

– С 1 июля 1991 года, сегодня ровно два месяца!

– Ого! Целых два месяца! Ты, я читал твое личное дело, в армии с 1985 года, Афган прошел, орденом Красной Звезды награжден. А язык так и не научился за зубами держать.

– Я язык всегда за зубами держу!

– Ну да, ну да. Ладно, Кремнев, интересный ты, оказывается, парень, но сейчас время поджимает, потом поговорим по душам, давай ступай к себе и живо собирайся в дорогу. Час на сборы – и вперед. Как оружие получишь, то дуй на КПП – там машина будет ждать. Вопросы еще есть?

– Есть! А если ангольские ВВС нас собьют?

– Не собьют. Они предупреждены. Хорошо, все, если вопросов больше нет, иди! С тобой полетит майор Кравченко. Ты знаешь его?

– Так точно! Из секретного отдела, я его в Луанде с неделю не наблюдаю.

– Кравченко сейчас не в Луанде, он в Дундо. Встретитесь там.

Кравченко, тридцатилетний молчаливый крепыш, одетый в песочного цвета военную форму без знаков различия, без особой радости встретил Михаила в аэропорту города Дундо. После короткого завтрака оба офицера отправились на склад за грузом. Михаилу пришлось много попотеть.

Необходимо было сличить все накладные, выписанные на португальском языке, с содержимым зеленых ящичков, хранившихся прямо под брезентовым навесом на импровизированном складе, расположенном на опушке тропического леса, от которого его отделяло всего несколько рядов колючей проволоки и худой, вечно зевающий чернокожий часовой с облупленным АК-74 за спиной.

– Какой «шикарный» у них склад! – с иронией в голосе подметил Михаил. – Охрана так и вовсе просто супер! Подходи и бери все, кто что хочет! Как такое возможно? Товарищ майор, здесь запросто можно половину этого так называемого склада вынести, никто и бровью не поведет.

– Поэтому мы и здесь! – скупое объяснил майор. – У меня с португальским на разговорном уровне. В бумагах не особо силен, а испанского и вовсе не знаю. Поэтому и попросил, чтоб тебя прислали. Смотри внимательно, чтоб все совпадало.

– А что, товарищ майор, думаете, и в самом деле свистнули чего?

– Всякое случается.

– Мы же с ангольцами союзники как-никак? Они же нас сами к себе пригласили.

– И на старуху бывает проруха, тем более на таких союзников особо не рассчитывай. Работать не желают, а лишь смотрят, где можно стырить, что плохо лежит. Давай смотри внимательно. Утром лететь в Заир.

– А в Заире я вам зачем?

– Там надо будет по-испански переводить.

– По-испански? А зачем в Заире испанский? Там же французский в ходу! Или с кубинцами надо будет как-то общаться?

– Много лишних вопросов, лейтенант! На месте все узнаешь. Пошли работать!

До самой глубокой ночи сверяли имеющиеся на руках накладные с тем оружием, что имелось в наличии. Дотошный майор приказал ангольским товарищам вскрыть все ящики. В них находилось стрелковое оружие советского производства и боеприпасы к ним.

Обнаружилась и крупная недостача. Не хватило пятьдесят четыре автомата АК-74, две дюжины гранатометов РПГ-7 и сотня выстрелов к ним, пять снайперских винтовок СВД, и исчезла изрядная куча боеприпасов.

Пока разбирались, пока ругались, все изрядно устали. Но Кравченко заставил ангольцев восстановить все расхищенное.

– Майор, да пойми, ну, ребята взяли пару автоматов для родственников. Тут везде война идет, в джунглях без оружия нельзя. Сам понимаешь! – белозубо скалился чернокожий капитан, отвечавший за склад с оружием.

– Пару? А пятьдесят четыре штуки не хочешь? – орал майор. – А РПГ взяли на слонов поохотиться? Быстро взяли и все восстановили!

– Так где я возьму? – улыбался капитан.

– А где хочешь! Бери со своих запасов! Давай живее, а то в Луанду позвоню!

– Ну зачем сразу в Луанду! Сейчас все организуем! – перестал улыбаться анголец.

– Вот же козлы! – сплюнул майор. – Союзнички, блин!

– Странно, одно дело делаем! Боремся с мировым империализмом, а они у своих же товарищей воруют, – удивился Михаил.

– Да в том-то и дело! – продолжал злиться Кравченко. – Кому война, а кому и мать родна! Это, похоже, про них! Столько им оружия задарма передали, так они еще и его своровать норовят!

– Как задаром?

– А ты думал, они что, нам золотом платить станут?

– Ну, у них алмазы вроде есть.

– Есть, да не про нашу честь! Раньше бананами платили, а теперь и вовсе обнаглели! Ни хрена не дают! Просят, дайте! Дайте оружие! Тьфу! Они думали, мы считать не будем! Нашли дурней! Ладно, Миша, пошли работать! Смотри в оба, а то еще что-нибудь сопрут!

К утру вылететь не удалось. Хитрые ангольцы пытались вместо добротного оружия всучить всякий хлам. Пришлось еще раз пригрозить звонком в столицу, лично министру обороны, тогда со скрипом дело сдвинулось с мертвой точки.

Погрузку закончили к обеду, самолет забили под завязку. Ан-12 берет на борт шестьдесят тонн груза. Примерно столько и влезло ящиков с оружием и амуницией. Едва хватило места пассажирам. Кроме них, в самолете летели еще два негра и один белый. Между собой не разговаривали. Лишь во второй половине дня тяжело нагруженный авиалайнер вырулил на взлетную полосу.

Самолет разогнался и, раздвигая набитым брюхом влажный воздух, тяжело урча, набрал полетную высоту и устремился на север. Михаил занял свободное пространство у дальнего от кабины пилотов иллюминатора. Вытянув ноги вдоль левой стенки, подсел поближе к хвосту и всю дорогу, не отрываясь, жадно смотрел в окно.

Саму ракету, как она шла по воздуху, Михаил не увидел. Она попала с противоположной стороны, прямехонько во второй двигатель по правому борту. Он ощутил резкий глухой удар справа, сопровождаемый сильным толчком, как будто кто-то сильный и огромный внезапно рванул за крыло летящий самолет и изменил его траекторию.

Здесь, в Африке, они не применяли повсеместно отстрел тепловых ракет, как в Афганистане. Поэтому пущенный с земли снаряд ПЗРК совершенно беспрепятственно поразил Ан-12. Ракета, взорвавшись в недрах мотора, почти целиком разрушила правое крыло. Обломки металла, покрашенные черным тротиловым облаком, жалкой кучкой отделились от корпуса воздушного судна и алюминиевым градом оросили округу.

Летчики всеми силами пытались усмирить вышедший из повиновения самолет в рыхлом воздухе. Но лишённая одной опоры отяжелевшая машина окончательно вышла из-под контроля и, сорвавшись в штопор, стремительно понеслась навстречу к безмолвным, быстро приближающимся джунглям.

Отчаянные старания мужественных пилотов задержать падение и вывести машину из штопора не увенчались успехом. Лишь при самом сближении с землей самолет неожиданно дрогнул и, как живой, немного задрал нос кверху. Это несколько смягчило удар. «Аннушка» гладко скользнула серебристым брюхом по кроне деревьев и, с диким ревом ломая извитые стволы, зарылась в самую гущу экваториального леса, оставляя за собой широкий развороченный коридор, усеянный множеством разноцветных обломков.

Последнее, что успел заметить лейтенант Кремнев, – это то, как стоящие до этого спокойно ящики с оружием и мягкие тюки внезапно съехали и беспорядочно рассыпались по салону, придавливая немногочисленных пассажиров. Инстинктивно Михаил рванул назад в самый хвост. И как раз вовремя, так как в следующее мгновение этот самый хвост отделился от фюзеляжа и, пружиня об зеленую биомассу лесного массива, переворачиваясь вокруг своей оси, низвергся в противоположную сторону. Бешено вращаясь, словно в центрифуге для тренировки летчиков, Кремнев вместе с хвостом самолета, прорубив при этом знатную просеку в девственной чаще, вонзился в самую топь Ликвальских болот. Он окончательно лишился сознания, погружаясь в зловонную, холодную жижу вместе с остатками развороченного самолета.

Глава 2

Прийти в себя переводчика принудил клейкий тропический ливень, налетевший безудержным потоком с затканного свинцовым маревом, нависшего прямо над головой тропического неба. Теплая вода хлестала как из ведра, пробивая окружившую лейтенанта тину на несколько сантиметров вглубь, оставляя повсюду стремительно затягивающиеся оспенные воронки. Вся поверхность нижнего слоя леса хлюпала, чавкала и шелестела разнотональными звуками, словно кто-то невидимый неистово лупил одновременно по тысячам разнокалиберных барабанов.

Михаил с трудом разлепил отяжелевшие веки, с трудом раскрыл залепленные болотной тиной глаза. Попробовал их оттереть тылом правой кисти. После чего осмотрелся. Видимость вокруг практически нулевая. Собственный палец с расстояния тридцати сантиметров кажется бесформенным малопонятным пятном. Согнул ладонь лодочкой и, набрав дождевой воды, плеснул ее в физиономию. Кое-как смыв грязь с лица, стал постепенно ощупывать многострадальные члены. Ноги шевелятся, руки выполняют все команды, согнутое пополам тело не сразу, но постепенно разогнулось. Похоже, что кости целы, но весь организм саднит и ноет во всех анатомических областях. Пришла на ум слышанная когда-то присказка: «На нем живого места нет». Сейчас это про него.

Кремнев, стена и охая, встал на карачки и, не обращая внимания на беснующийся дождь, чего уж беречься, когда и так насквозь сырой, принялся руками, вслепую, изучать, где он находится. Скоро стало ясно, что располагается он внутри хвостовой части самолета, воткнувшегося в зыбкую почву рулями вниз. Вышло, что покоится он как в гигантской изрядно помятой бочке без крышки. Но вода внизу особо не накапливалась, а сразу вытекала наружу через множество дыр, образовавшихся при падении.

Михаил пошарил рукой, где-то тут должны быть тюки с обмундированием. Ведь что-то же смягчило его многочисленные удары при падении. Кроме них, ничего мягкого при погрузке не закладывали. А они как раз находились в самом хвосте самолета. Вскоре его правая кисть уткнулась в валяющийся неподалеку тюк. К удивлению, нож в ножнах и пистолет в кобуре, пристегнутые к поясному ремню, уцелели в этой жуткой передрыге и съехали набок.

Лейтенант вытащил нож и, преодолевая боль в ушибленных мышцах, с трудом вспорол брезент, покрывавший воинскую одежду. Накрывшись чехлом, как маленькой палаткой, он с бесчисленными передышками стащил с себя мокрую одежду. Выудил из кучи сухое белье и кое-как в него переделся. Затем сгреб под себя оставшееся обмундирование и устроил из него некое подобие топчана. Накрыл себя и свое примитивное лежбище брезентом и, свернувшись калачиком на мягком ложе, постарался заснуть.

Сон никак не шел, ныли отбитые конечности, туловище и голова, тарабанила по грубой ткани неослабевающей струей ливневая вода, стало тяжело дышать. Влагонепроницаемый брезент не пропускал и без того плотный воздух. Кремнев ножом вырезал несколько крошечных дырочек сбоку импровизированного жилища, чуть-чуть повеяло неким подобием свежего воздуха.

Спустя час удары дождя поредели и вскоре перешли в едва различимую изморось. Сквозь отверстия в чехле стало заметным, что темнота принялась разряжаться. Лейтенант выглянул наружу: так и есть. Тучи разомкнулись, блеснуло над деревьями звездное небо, в правом углу обозначился Южный Крест. «Ну, утро вечера мудренее», – подумал Михаил и, нырнув под брезент, предпринял вторую попытку заснуть.

Очнулся Кремнев, когда солнце стояло в зените. Само светило человеческому взору оказалось недоступно. Над лейтенантом возвышался многоярусной стеной густой тропический

лес, умытый дождем. Отсюда, снизу, просматривались лишь обвитые разнообразными лианами толстые стволы неизвестных ему деревьев.

Эти лесные гиганты едва пропускали дневной свет, и немудрено – многие из них достигали высоты сорока пяти – пятидесяти метров, а то и выше, заканчиваясь густой развесистой кроной. Там, где развалившийся на части самолет прорвал зеленую ткань, играли насыщенные солнечные блики, отражаясь на широких, немного подкрученных с боков листьях, сохранивших еще капли ночного дождя.

Между деревьями произрастали странные колючие кустарники вперемешку с высокой ядовито-зеленого цвета травой. Вся эта буйная флора дикого леса сравнительно плотно срослась между собой, образуя живую, на первый взгляд абсолютно непреступную стену.

Первый ярус, его самое дно, состоял из зыбкой, неприятно пахнувшей, безнадежного вида трясины, покрытой зеленовато-буроватой тиной с остатками павших деревьев и шикарным, в рост взрослого человека, жестким хвощом, торчащим своеобразным частоколом по краю болота.

И весь этот колоссальный девственный лес, этот удивительный зеленый пласт экваториальной природы, был до отказа забит живыми существами. Множество тварей, куда ни плюнь, ползало, летало, прыгало, шипело, жужжало, свистело и пожирало друг друга под сенью вечнозеленой листвы.

Окончательно придя в себя и постепенно привыкнув глазами к полумраку джунглей, переводчик осознал, что он здесь далеко не один. Тысячи любопытных пар глаз чутко изучали его со всех сторон и с различной высоты. Полчища диковато-веселых обезьян и многочисленные стаи ярких разноцветных птиц с удивлением уставились на незнакомца.

Он высунул свою взъерошенную голову из-под брезента, и на несколько минут в округе установилась непривычная для этих мест тишина. Но, раскусив, что незнакомец не представляет для них серьезной угрозы, автохтоны вернулись к приостановленным делам. Снова донеслись не умолкаемое ни на минуту щебетание птиц, странное чмокание и цокание и дикие вопли дерущихся в верхних этажах мартышек.

Лейтенант наполовину высунулся из своего временного убежища. Небольшая стайка мух роилась неподалеку. Несколько подлетели к нему и поползли по растянутому брезенту.

«Сложенные друг на друга крылья, торчащий, как штык, хоботок! Черт! Это же муха цеце!» – молниеносно определил Кремнев, что за ужасные насекомые его посетили. Цеце – переносчик сонной болезни, одного из самых коварных заболеваний тропиков. А вот и рыжие гадкие комарики, переносчики малярии, жужжат возле самого уха. А как же без них?! Все же в болото свалился. А тут им полное раздолье.

Михаил отогнал одной из сломанных веточек, в избытке валявшихся рядом, непрошенных гостей и бросился судорожно рыться в выброшенной в ночи одежде. Там, в одном из карманов, должна находиться мазь от насекомых. Лишь бы не выпала при падении. Фу, слава богу, осталась цела. Повезло, что корпус из пластика, а то металлический наверняка бы лопнул. Отвинтил крышечку и намазал открытые части тела. Жутко защипал кожный покров, едкая мазь попала на многочисленные ранки и ссадины. Может, она и дезинфицирует заодно? А то часть повреждений воспалилась и покраснела.

Кремнев извлек содержимое из карманов мокрой формы и сложил все в одном месте. Так, ключи от комнаты офицерского общежития, где он проживал в Луанде. Пригодятся, как же он попадет в нее без ключей, когда выпутается из этой передраги? А в том, что он выпутается, Кремнев ни на минуту не сомневался. Две запасные обоймы к «Макарову», носовой платок, расческа, раскладная зубная щетка, отсыревшие спички и размокшая записная книжка со сломанной авторучкой. Все? Ах, забыл, еще часы!

Часы «Командирские», противоударные и противоводные, справились со вчерашним кошмаром на пять баллов. Идут, тикают и показывают ровно двенадцать часов, если не врут.

Да вроде нет. Вчера же лично проверял, да и солнце, похоже, как раз там, где ему и положено быть в этих широтах и в это время. Хотя, где доподлинно стоит в настоящее время солнце, четко не видно. Но будем считать, что часы исправные.

Обломок самолета, что так благополучно спас жизнь лейтенанту, рухнул в болото недалеко от кромки леса. По приблизительному расчету, всего метров двадцать отделяет переводчика от твердой суши. Судя по тому, насколько погрузился в топь хвост «Аннушки», глубина тут не больше трех метров. На столько примерно погрузилась в трясину уцелевшая часть воздушного корабля.

Странное тут болото, про себя отметил Михаил, алюминиевый корпус во многих местах пробит насквозь, а вода в него извне не сочится. Желеобразная взвесь снаружи залепила все дырки, и вовнутрь ничего не попадает.

Лейтенант принялся скрупулезно изучать уцелевшее имущество. Кроме этого тюка, сохранилось еще два. В них, помимо одежды, отыскались новые берцы, пара ящичков тушенки и галет и пустые солдатские фляжки. Тут же отыскалась пачка индивидуальных фильтров для питья воды – специальные пластиковые трубочки синего цвета. Кремнев знал эти трубочки еще по Афганистану.

В углу скопилась приличная лужа дождевой воды, на вид прозрачная, правда, на дне копошатся какие-то упитанные оранжевые личинки. Сунув трубочку в лужу, стараясь не задеть шевелящихся в ней насекомых, лейтенант с удовольствием утолил давно мучившую жажду. Начерпал еще три полные фляги про запас, стараясь набирать воду без «прицепа». Здесь, в Африке, каждый червяк может оказаться переносчиком зловредной заразы. А уж в воде так и вовсе кишмя кишат разного рода бациллы. Но ладно, понадеялся на диковину советской науки, чудо-трубочки. В Афгане, по крайней мере, особых нареканий на них не было.

Еда есть, вода тоже, так что от голодной смерти и жажды он в ближайшие дни не умрет. Оружие в виде ножа и пистолета с тремя обоймами патронов, по восемь штук в каждой, тоже имеется. Одежды и обуви и вовсе на роту солдат хватит, с этим повезло. Проблема в другом: где он сейчас находится? В каком квадрате?

Судя по окружавшей его природе и по полетному времени, угораздило лейтенанта Кремнева очутиться в одном из самых страшных и малоисследованных мест планеты – в Ликвальском болоте. Эта дикая, первобытная чаща в самом центре бассейна реки Конго раскинулась на пятьдесят пять тысяч квадратных километров по обе стороны экватора непроходимыми дремучими лесами и ужасающими топями. Где-то тут, по слухам, обитают ископаемые динозавры, прозываемые местными жителями мокеле-мбембе.

Совсем недавно, еще в Луанде, Михаил читал занимательную статью в журнале «Наука и жизнь» про Ликвальское болото. При этом автор веско утверждал, что за последние шестьдесят миллионов лет природа тут практически не изменилась. Что люди тут почти не живут. Иногда забредают бесстрашные пигмеи, и то ненадолго и не углубляясь особо внутрь.

Последнее обстоятельство удручало переводчика больше всего. Если он свалился далеко от края болота, то шансы встретить людей резко уменьшаются. Искать его здесь, в Заире, уж точно никто не будет. Не пошлют же прямоком с Анголы в эти места поисковую партию. Вся операция по доставке оружия и амуниции повстанцам и так проходила в строжайшем секрете. Придется полагаться на одни собственные силы. Плохо, что потерялся планшет, там были и документы, и, самое главное, карта местности. Ох, как не повезло!

Тут его мысли прервало странного вида бурое шишковатое бревно, лежащее совсем неподалеку. Михаилу на мгновение показалось, что «бревно» чуть шевельнулось и переместилось на несколько сантиметров поближе к нему. Что за чушь! Галлюцинации? Протер глаза, ну точно, непонятный коричневатый предмет, что он вначале принял за остов погибшего дерева, явственно понемногу приближался к нему. Крокодил! А вон еще один, а там еще! Да их тут целая ватага!

Кремнев проверил пистолет, дослал патрон в патронник, тщательно прицелился в голову ближайшей рептилии и плавно нажал на спусковой крючок. Расколовший липкий воздух сухой выстрел согнал с насиженного места тысячи птиц. Великое множество ярко окрашенных пернатых поднялись вверх и недовольно загалдели на своем непонятном птичьем языке.

Метко выпущенная с близкого расстояния пуля пригвоздила хищника к тому месту, где он затаился. Из расквашенного черепа хлынула темная кровь. Тут произошло то, чего лейтенант никак не ожидал. Соседние крокодилы, полукольцом подбирившиеся к нему, неожиданно сломали ряды и стремглав бросились на поверженного сородича. Крокодилы пожирали крокодилов! Ужас!

– Ах вы, твари! – заревел во все горло Кремнев. – Друг друга жрете! Канныбалы проклятущие! Получайте, скотины клыкастые! На! На! На! – Парень неистово принялся посылать им вдогонку одну пулю за другой, стараясь угодить чудовищам точно в распахнутые окровавленные пасти, увенчанные желтоватыми клыками. Лишь когда раздался пустой щелчок и затвор нагретшегося от быстрой стрельбы оружия откатился назад, известив об опустошенном магазине, Михаил, обессиленный, сел на кучу одежды. – От падлы! Друг дружку трескают! Ты смотри, какие редкостные гады!

Восемь трупов древних животных в разных позах застыли на поверхности трясины. Один с развороченным своими же собратьями туловищем самым первым стал погружаться на дно. Следом за ним последовали и остальные. Вскоре на поверхности ничего не напоминало о кровавой бойне, произошедшей тридцать минут назад. Остальные крокодилы в страхе разбежались и пропали из поля зрения.

Кремнев никогда не был трусом, наоборот, он слыл очень храбрым человеком, иногда его отвага переходила разумные пределы. Он отличался выносливостью и неприхотливостью, обладал отменным здоровьем и, несмотря на тяжелое ранение, полученное в боях с афганскими моджахедами, и кратковременное пребывание в их плену, имел относительно уравновешенную психику и не терял самообладания.

Он с раннего детства готовил себя к дальнейшим жизненным трудностям, изнуряя разного рода тренировками и «проглатывая» массу разнообразных книг, причем многие на иностранных языках. В семь лет будущий лейтенант свободно изъяснялся на английском и французском языках.

Родившись с душой авантюриста, Михаил постоянно выискивал себе на голову приключения, и они не заставляли себя долго ждать, зачастую сами его находили. Закаленный в боях и немало повидавший, прекрасно эрудированный в сравнительно молодые годы, сейчас он был просто ошеломлен. Ему стало настолько противно от увиденного, что мощным волевым решением остановил себя от дальнейшего расстрела треклятых каннибалов. Оставалось всего две обоймы, или шестнадцать патронов. Больше боеприпасов пока не предвиделось, и их следовало беречь.

Сколько так в оцепенении просидел Кремнев, он не помнил. Очухался, когда тропическая ночь почти полностью всосала в себя дневной свет и назойливая мошкара с комарами стала противно гудеть над самым ухом. Антикомариный крем помогал исправно, насекомые не кусали, но роем роились в ближайшем отдалении, напоминая о себе омерзительным писком.

Стихийная бойня крокодилов выбила его из колеи. Так ничего и не сделал путного за сегодня. Проторчал весь день в остовах самолета и не вылез из болота. Вполне вероятно, что, раз повезло ему, возможно, еще кто-то спасся из самолета. Разброс частей несчастной «Аннушки» не должен превышать в радиусе и десяти километров. Наверняка остались видимые глазом следы: поломанные деревья, примятая трава. Раз он отлетел в одну сторону, то основную часть самолета и людей следует искать в противоположном месте. Тем более взрывов Михаил никаких не слышал, скорей всего, и оружие уцелело, если оно не свалилось в топкое место. Ему необходимо хорошее оружие и боеприпасы. Много он тут с «Макаровым» навоюет?

Решено: завтра с утра отправляться на поиски самолета. Насколько он знал, Мбандака расположена на берегу реки Конго. Если идти точно на север, то в любом случае уткнешься в Конго. А на реке должны быть люди, в крайнем случае возможно изготовить плот из подручного материала, благо деревьев тут растет навалом, и отправиться на нем вниз по течению, где-нибудь да отыщется деревня или город. А там дальше придумает, как попасть в Анголу.

Теоретически река Конго впадает в Атлантический океан, а там есть участок границы с Анголой. Правда, плыть придется порядка двух тысяч километров, под проливным дождем, мимо обитаемых деревень, неизвестно кем заселенных, мирными или враждебными гражданами, да и крокодилы наверняка не дремлют.

Так думал Михаил, готовясь к очередной ночевке. Он аккуратно сложил все тряпки в менее всего промокаемый угол, слепив из них некое подобие перины. Сверху натянул прочный брезент. Притачал его так, чтоб образовалась из ткани своеобразная выпуклость кверху, так вода, по замыслу, не станет заливать лежанку, не будет накапливаться на брезенте, а начнет скатываться с него вниз. Отужинал консервированной тушенкой и галетами, запил через трубочку водой из фляги, намазался спецкремом и улегся на отдых.

Скоро пойдет тропический дождь. Небо затянуло серой беспросветной мглой. В этих широтах можно хоть часы сверять по наступлению ливня. Плюс-минус пять минут. Такова здешняя природа. Чу! Вот и упали первые крупные капли. Вовремя лейтенант забрался в свой импровизированный домик.

Вода вовсю застучала по толстой ткани, как Кремнева вдруг озарило: а как же он завтра доберется до берега? Как преодолеет эти несчастные двадцать метров, отделявшие его от суши? Ладно, утро вечера мудренее. А сейчас смертельно хочется спать. Кругом неистовствует стихия, сверху низвергаются тонны воды, где-то вверху разъяренно сверкает молния, грохочет страшный гром, а он, сухой и сытый, возлежит посреди мокрого тропического леса и в ус себе не дует.

Глава 3

Он проснулся без посторонней помощи. Кто-то тяжелый и упругий навалился на него сверху и деликатно вдавил в лежак. Приоткрыв глаза, Михаил рассмотрел провисший, прижавший к топчану, отяжелевший за ночь брезент. Все же задумка с выпуклой крышей до конца не удалась. Податливая ткань прогнулась и насобираала порядка центнера воды. Стараясь не расплескать драгоценную жидкость, Кремнев выкарабкался наружу. Перед ним явилось небольшое озеро чистой дождевой воды.

Недолго думая, лейтенант заполнил пять фляжек живительной влагой, следом сбросил одежду и решил смыть остатки сна. Большинство царапин на коже припухло и покрылось злобонным гноем. Как мог, омыл избитое, саднящее тело. Отмыл от грязи и гноя кожный покров и опять переоделся в чистое белье.

Пока переводчик осуществлял гигиену, у него в голове родился относительно простой, но дерзкий план по спасению. Михаил решил, как преодолет вязкое пространство до твердой земли.

Из остатков хвостовой части самолета боевым ножом нарезал несколько приличных дюралевых кусков прямоугольной формы. Используя рукоятку пистолета как молоток, прошелся по кромке полученных листов, загнув часть их под прямым углом на пару сантиметров с каждой стороны. Затем на других листах с некоторым усилием выгнул загнутые края в обратную сторону, употребив знания, полученные еще на уроках труда средней школы, где когда-то подобным образом из листов жести сооружал декоративные кружки и бочонки.

Сопоставив на всю длину и сцепив между собой обработанные листы за загнутые края, Михаил протучал их «Макаровым». Получилась классическое совмещение по типу соединения металлических листов в «двойной замок».

Доработав ножом и пистолетом родившуюся в муках конструкцию, через три часа кропотливого труда перед Кремневым покоилось некое подобие гигантского тазика для мытья в бане без ручек. Воображение вообще-то рисовало вначале дюралевую лодку, но, раз вышел тазик, пусть будет тазик, лишь бы не пошел ко дну. Оставалось изготовить весло или что-то типа шеста. Вопрос: из чего?

До ближайших кустов и деревьев, годных на эту роль, самое малое метров двадцать по самой трясине. Что делать? Неожиданно взгляд лейтенанта прошелся по боковому шпангоуту. Отлично! То, что надо! Остается каким-то образом выломать эту часть каркаса самолета из его стенки. Где ножом, где ударами пистолета, где просто руками, обмотанными тряпками, чтоб не пораниться об острый металл, Кремневу удалось оторвать часть ребра шпангоута.

Еще десять минут работы импровизированным молотком – и в руках у Михаила покоилось некое подобие то ли палки-копалки, то ли совковой лопаты без черенка. Хотя сам автор считал, что все же вышло весло.

На часах половина двенадцатого, пора выдвигаться. Из самых больших штанов, что отыскались в тюках, изготовил самодельный вещмешок. Завязал внизу штанины вырезанной из брезентовой ткани длинной тесемкой, сложил в них нехитрые пожитки.

Из вещей взял с собой тушенку, галеты, пару запасного белья, трубки для питья воды, фляжки с водой, новые берцы. На ноги надел старые, в которых прибыл сюда. По опыту знал, что новую обувь надо тщательно разносить, в противном случае запросто натрешь ноги. Сложил все удобно, по-десантному, так, чтобы ничто не гремело при ходьбе.

Большой кусок брезента приторочил таким образом, чтобы тот оказался на спине. Теперь твердые консервные банки и фляжки с водой станут меньше давить на тело. Затянул свободный конец тесемки вокруг пояса штанин. Все! Рюкзак к походу готов. Наиболее ценные предметы – высушенные спички, сорок штук, и запасную обойму к пистолету – завернул в маленький

кусочек брезента и убрал в потайной карман. Пистолет и нож повесил на пояс, предварительно снарядив «Макаров» предпоследним магазином.

Спустил тазик с рюкзаком на поверхность болота, вроде бы не тонет. Присел на край самолета на дорожку по старой российской привычке. С минуту помолчал, после выпрямился, сгреб в одно место оставшееся имущество и рачительно прикрыл его свободным брезентом. Подоткнул края фрагментами дюралевых обрезков, чтоб не сорвало ветром. Итак, в путь!

Кряхтя и постанывая от саднивших ушибов, Кремнев не торопясь перелез через бортик своего убежища и, держась обеими руками за дюралевую стенку, начал медленно перемещаться в плавсредство, ожидавшее его на поверхности болота. Поставил одну ногу – не тонет. Вторую – пока держит. Стараясь меньше шевелиться, присел на корточки, продолжая придерживать за останки самолета. Тазик сильно просел, но его вес терпит. Отпустил руки. Фу! Самодельная лодка остается на плаву и не собирается идти ко дну. Можно начать движение.

Черт! Забыл прихватить весло! Успокоившись, шаг за шагом, не спеша, вернулся назад в самолет. Подцепил валяющуюся возле стенки «палку-копалку» и повторил посадку в лодку. Второй раз все прошло гораздо быстрее. Удобно усевшись на дне плавсредства, Михаил оттолкнулся от «Аннушкиного» хвоста рукой и сделал первый гребок «веслом» по правому борту.

К удивлению, тазик довольно свободно продвинулся на полметра вперед. Обрадовавшись, лейтенант занес «черпак» для второго гребка с противоположной стороны, но вовремя остановился. По левому борту, в полуметре от него, параллельно его курсу быстро скользила полуметровая бирюзового цвета змея с характерным желтоватым хвостом. Лишь молниеносная реакция и спасла переводчика от неминуемой гибели – укус зеленой мамбы почти в ста процентах летален.

– Вот зараза! – вырвалось из Кремнева. – Какой дряни тут нет! Зеленая мамба, ты-то тут чего позабыла? Хорошо, что изучил всех этих гадов в свое время! Точно бы за руку цапнула! Уф!

Справившись с переживанием, Михаил еще раз внимательно осмотрел окружающую лодку трясину и, не найдя ничего подозрительного, ударил «веслом» по болотной взвеси. Тазик не так резво, как хотелось бы, но мало-помалу пополз к берегу.

Через несколько минут отчаянной гребли лодка уткнулась носом в твердый грунт. Широко раздвинув росший по краю берега исполинский хвощ «веслом» и убедившись, что очередных сюрпризов в зарослях пока нет, попробовал проткнуть землю. Поверхность как будто стойкая, можно смело десантироваться.

Кремнев выбрался из плавсредства и сделал несколько шагов по настоящей земле. С непривычки изрядно закачалось. Так бывает, когда долго-долго едешь в поезде, а потом резко так выходишь на платформу, и земля сразу начинает «уплывать» из-под ног. Сказалось длительное сидение в хвосте самолета и практически полное отсутствие полноценных движений. Вынужденный мускульный простой не прошел даром – навалилась предательская слабость.

Михаил втащил лодку на берег и приступил к интенсивной зарядке, необходимо было размять затекшие конечности, восстановить утраченную спортивную форму. Опять чуть не вяпнулся! При отжимании едва не придавил туловищем маленькую светло-зеленую лягушку, зачем-то притаившуюся неподалеку. Банановые лягушки, хоть и малы, но относятся к одним из самых ядовитых земноводных Африканского континента. Везде нужен глаз да глаз!

Основательно размявшись и отдышавшись, путешественник надел на себя тяжеленный рюкзак, отряхнулся и устремился к росшим неподалеку деревьям. Не успел сделать и десятка шагов, как правая нога неожиданно погрузилась в мягкую жижу на несколько сантиметров. Стоп! Да тут, похоже, куда ни кинь, всюду топь, суша лишь фрагментарно лежит на поверхности. Это открытие чуть не расстроило переводчика окончательно.

Поразмыслив, Михаил неторопливо вернулся к брошенному тазу. Тщательно осмотрелся и, вооружившись ножом, срезал подходящую на вид лиану, длинную, тонкую и весьма прочную. Помимо лианы срубил и высокое, но не очень большое в поперечном обхвате деревце без названия, отдаленно напоминавшее бамбук. Из «бамбукового» дерева изготовил крепкий почти трехметровый шест. Лиану привязал к лодке через специально проверченную для этой цели дырку по носу мини-судна.

Так и пошел дальше, в правой руке шест – им определяет скрывающуюся от глаз трясину, в левой волочит за собой дюралевую лодку, за спиной вещмешок из солдатских штанов, набитый припасами. Дойдя до ближайшего зыбкого места, Михаил пересел в тазик и, работая «веслом», пересек опасное место, не забывая вращать головой на триста шестьдесят градусов, заранее предупреждая возможные сюрпризы от местной природы.

Удачно пересек болотную проплешину, вновь оказался на земной тверди. Земля здесь красновато-бурая, глинистая, присыпанная старыми листьями и пестрой трухой из остатков древесины, пожухлой травы и чьих-то экскрементов. Местами попадались ослизлые кости погибших или съеденных животных.

Весь этот чудесный пейзаж был щедро сдобрен полчищами надоедливых мух и комаров, кое-где мелькали холодные змеи и юркие ящерицы, а ленивые пауки поставили тонкие ловушки прямо на самом пути лейтенанта. Хотя нет, паутина свисала тут со всех сторон, куда ни шагни, обязательно уткнешься в липкую сеть.

Михаил устал смахивать ее со своего лица, не обращая внимания на покрывшуюся клейкими узорами одежду. Бесплезно, все равно налипнет заново, главное – не напороться на ядовитого хозяина этих занимательных посеребренных рисунков.

За два часа удалось преодолеть немногим чуть более трех километров. Встречались места, где идти можно было относительно легко, приходилось раздвигать руками росшую между стволов деревьев траву и кустарник, избегая колючек, или перерубать особо запутанные клубки лиан, ветвящиеся на пути. Где-то было еще проще: в тех местах, где одна трясина отделяла собой лесной массив на значительном протяжении, он усаживался в тазик и осиливал опасный участок целиком в плавсредстве. Но пару раз натолкнулся на такие дремучие заросли, что пришлось в буквальном смысле прорубать себе дорогу.

От длительной рубки, с непривычки, Михаил стер правую ладонь до кровавых пузырей. Поздно догадался обмотать кисть тряпками вместо перчаток. Теперь приходилось орудовать исключительно левой рукой. Когда-то он неплохо фехтовал на мече, учился у сильного китайского мастера. Пробовал и двумя руками. Сейчас приходилось вспоминать и на ходу восстанавливать подзабытые навыки.

Добравшись до небольшой сухой полянки, выбрал поваленное дерево и уселся на него, предварительно спугнув затаившегося хамелеона. Пора сделать привал и провести тщательную рекогносцировку местности. По его расчетам, лейтенант двигался в нужном направлении. Если предположить, а так оно и было на самом деле, что хвост самолета улетел в одну сторону, а корпус в другую, то он пока на верном пути.

Перекусив тушенкой с галетами и запив через трубочку из фляжки, Михаил выбрал подходящее дерево и, преодолевая боль, полез вверх. Через полчаса Кремнев поднялся достаточно высоко, чтоб разглядеть слева от себя, километрах в пяти, если он правильно определил расстояние, обрубленные при крушении кроны деревьев. Тщательно запомнив туда дорогу, переводчик начал спуск.

А слезать вниз оказалось делом совсем не простым. Нежная кора, содранная берцами во время штурма ствола, обнажила нежно-кремовую древесину, которая, пока он намечал маршрут и запоминал дорогу, живо покрылась склизким дурно пахнущим соком. Теперь все дерево оказалось настолько скользким и гладким, словно густо смазанным специальным маслом, что

переводчику чудом удалось удержаться на ветке, чтоб не грохнуться на землю с тридцатиметровой высоты.

Рюкзак с запасным бельем остался внизу. Хорошо, что нож и пистолет оказались прихвачены с собой. Но от пистолета сейчас толку мало, а от ножа? А нож вполне даже мог пригодиться. Михаил стянул с себя форменную куртку и зажатый в левой руке ножом изрезал ее на небольшие куски.

Обхватывая тряпочкой каждую смоченную слизеобразным соком ветвь. Кремнев начал спуск. Все, что было ниже наивысшей точки, которой удалось достичь прыткому лейтенанту, оказалось настолько густо смочено выделившейся слизью, что пришлось прибегнуть к элементам акробатики для того, чтоб раньше времени не оказаться на сырой земле.

С грехом пополам Кремнев достиг высоты метров трех от корней. Тряпки закончились, так как пришлось каждую новую опору хватать чистой материей. Просто не понятно, как одно дерево умудрилось выделить столько сока. Но что поразительно, насекомые и мелкие животные, любители попробовать бесплатного угощения, что-то не торопились занять места в халявной столовой. Похоже, деревянистые выделения им были не по вкусу, а возможно, как и многое в тропиках, и вовсе ядовитые. Лейтенант старался испачканными в соку руками не трогать рот и не чесать лицо. Мало ли чего!

Все! Используя последнюю тряпку, Михаил принялся рассматривать поверхность внизу, как бы половчее спрыгнуть. Высота в три метра его не так страшила. Во-он на тот пригорочек около лодки, допрыгнет ли?

Допрыгнет, надо лишь хорошо оттолкнуться. Стой! А это кто там копошится возле рюкзака? Михаил сощурился и стал пристально разглядывать непрошенных гостей. Бородавочки! Три особи! Африканские близкие родственники наших хрюшек нагло явились из леса и самым бесцеремонным образом, похрюкивая от удовольствия, уничтожают запас галет и втаптывают в грязь остальные припасы. Точнее сказать, уничтожили, по-свински. Судя по довольным физиономиям, галеты пришлись им вполне по вкусу.

– Ну что ж! – произнес раздосадованный лейтенант. – Сами напросились. Изволили без спроса скушать мои галеты? Замечательно, а я скушаю вас! Жареная свининка, думаю, мне не повредит! Разнообразим меню за ваш счет, милые чужаки!

Кремнев дотянулся до пистолета, стараясь не производить отпугивающих звуков, как можно тише снял ПМ с предохранителя, дослал патрон в патронник и, прицелившись ближайшему бородавочнику под левую лопатку, плавно спустил курок. «Бах!»

Крайняя от дерева свинья, как бы споткнувшись на ровном месте, ткнулась рылом в землю. Попыталась вскочить на слабеющие ноги, но метко пущенная пуля, перебив грудную аорту, стремительно забирала ее в принципе безобидную жизнь. Захватывая удушливый воздух обранным клыками рылом, бородавочник повалился на левый бок и судорожно забился в предсмертных конвульсиях. Его поделники, глядя на такое дело, громко повизгивая, задали такого стрекача, что через секунду скрылись в ближайших кустах. Лишь треск ломаемых веток подтверждал недавнее присутствие здесь диких зверей.

Пока Кремнев спрыгивал с дерева и отряхивался, бородавочник окончательно затих. Втоптанная в красную землю тушенка немного помялась с боков, но осталась вполне пригодной для приема в пищу. Обмундирование тоже особо не пострадало, если не считать местами грязью запачканных частей. Хуже обстояло с галетами – уцелело из всего запаса две штуки. Зато у переводчика теперь имелась целая свиная туша.

Как мог, лейтенант резво освежевал бородавочника. Вырезал лучшие куски и промыл мясо в найденной неподалеку луже, стараясь смыть всю кровь, завернул их в кусок влажной еще шкуры. Отмыл руки, собрал нехитрые пожитки. День клонился к закату, в этих широтах темнеет рано, пора подумать о ночлеге. Надо как можно дальше отойти от этой мясобойни.

Запах крови обязательно привлечет хищников. Вон какие-то птицы, похожие на грифов, рас-
селись неподалеку на пригорке.

Тянуть с выходом опасно, через час-два станет совсем темно. Кремнев с сожалением
посмотрел на остатки свиной туши, но ничего не поделаешь. Мясо в Африке без соли и холода
быстро протухает. Бросил вещмешок и филе бородавочника в лодку и рванул в сторону наме-
ченного с дерева маршрута.

За час удалось пройти чуть больше километра. По дороге собирал в тазик сухие ветки,
попадавшиеся на пути, – заготавливал топливо для будущего костра. Наконец, когда сумерки
плотной стеной охватили со всех сторон и стало не видно разборчиво стезю, Михаил застопо-
рил передвижение.

Для ночевки выбрал высокий сухой холмик подле развесистого дерева. Натянул над
головой брезент, укрепив его за нижние ветви прочными, как капроновый шнур, лианами. С
первой же спички разжег костер. Когда, весело потрескивая, огонь набрал силу, насадил на
заранее выструганные палочки куски бородавочника. К этому времени мясо как-то подозри-
тельно потускнело и, как почудилось Михаилу, стало неприятно пахнуть. А двум смертям
не бывать, решил отважный лейтенант и, махнув на все рукой, поднес шашлык к пламени.

Жировая прослойка, шкварча, с шипением стекала в костер, усиливая его силу, аромат-
ный шлейф распространился по всей округе. Кремнев отметил, как в кустах недобро блес-
нули чьи-то зеленые глаза, а с другой стороны мелькнула размытым пятном чья-то тень. Огонь
вызвал страх и уважение у всего сущего, заставлял трепетать перед ним всех без исключения
обитателей леса. Многие из невидимых врагов желали в тот момент полакомиться и жареной
свиной, и сырым лейтенантом, но огонь вносил в их коварные планы свои коррективы.

Плотно отужинав, Михаил дожарил оставшееся мясо, надеясь, что в таком виде оно
дольше сохранится, завернул его в чистую тряпку и убрал в лодку. Сам лег сверху, посчитав,
что так будет спокойней. Небо снова затяжелело и налилось водой, пошла его третья ночь в
джунглях. Третья ночь в этом диком экваториальном лесу, в полном неведении и отрыве от
цивилизации.

Глава 4

Ночь пролетела без особых происшествий, если не считать нездоровые тенезмы, что напряженными схватками разыгрались ранним утром в животе у Кремнева. Протухло, однако, мясо, подумал тогда переводчик и приготовился нестись в ближайшие кусты. Но, чу! Немного потерзав своего хозяина, кишечник успокоился, и спазмы вскоре сошли на нет. Нормальный сон в ту ночь так к нему и не вернулся. Тропический дождь завершился как обычно, небо стало разъясняться, наступал новый день.

Костер едва теплился, обдавая лейтенанта едким сизым дымком. Нынче место выбрано вполне удачно, вся дождевая вода, обрушившаяся с небес за ночь, стекла вниз. Пятачок сухой почвы под самодельным навесом ласкал глаз. Как, оказывается, славно проснуться не намоченным и не продрогшим до самых костей.

Неожиданно что-то маленькое и очень свирепое резко и достаточно больно дернуло Михаила прямо за спину возле правой лопатки и тут же возле левой. А следом между лопаток, а там еще, и еще! И через минуту сотня маленьких иголок с остервенением вонзилась в его изнуренное тело.

С трудом выпрямившись в полный рост, кувырком вперед перевалил затекшее тело из тастика и, плюхнувшись на землю, принялся яростно кататься по траве, неистово почесывая спину. Придя в себя, резко вскочил на ноги и взбешенно сорвал с себя всю одежду, потому как уколы достигли своего апогея и стали причинять сильнейшее беспокойство практически во всех частях организма.

Вот они, его маленькие мучители – красные муравьи! Эти незаметные с высоты человеческого роста крошечные насекомые набросились на беззащитного лейтенанта, пока он сладко спал в своем дюралевом корыте. Проворно пробрались под одежду и принялись ожесточенно вгрызаться в кожный покров. Но откуда они взялись? Здесь на болоте?

Ба! Да вот же и муравейник! Огромный покаты́й дом махоньких тварей примостился в какой-то паре метров от незадачливого путешественника по другую сторону дерева, под чьей кроной он скоротал ночь. Высотой чуть пониже самого Кремнева, муравейник кишмя кишел обитателями. Миниатюрные красные козявки с мощными челюстями непрерывным потоком сновали туда-сюда по каким-то весьма важным делам.

Вчера вечером с наступлением темноты муравьи угомонились и, заперев муравейник на ночь, отошли ко сну. Утром с восходом солнца распахнули входы-выходы и отправились на поиски пищи. Лейтенант привлек их внимание запахом прожаренного мяса, коим весь пропитался, возлежа рядом. Так, наверное, бесславно погибший бородавочник мстил убийце – наслал на него не ведавших жалости муравьев.

Михаил где-то читал, что эти незначительные лесные твари способны запросто за один день до костей обглодать взрослого человека. В глухих первобытных лесах и до сих пор некоторые полудициализованные племена практикуют это ужасную казнь: голого, связанного по рукам и ногам преступника бросают на муравейник.

Кремнев заглянул в лодку, так и есть – сверток с остатками шашлыка оказался ярко-красным от набившихся в него муравьев. Стряхнул насекомых, принялся: как будто еще годно для употребления в пищу. Совершил физическую разминку, с грустью отметил, что воспалившиеся ранки на коже и не думали заживать, продолжают сочиться гноем. Умылся дождевой водой, собранной с широких листьев неведомых растений, перекусил холодной жареной свиной и тронулся в путь. Нынче он постарается выйти на след самолета.

Прогноз быстрого достижения цели не подтвердился. Едва углубившись в лес, Кремнев через пару километров наткнулся на водную преграду. Некий водоем, наполненный красноватой вязкой водой, раскинулся точно поперек маршрута. Было не ясно, то ли это один из при-

токов Конго, то ли это такое длинное вытянутое озеро. Но и справа и слева его рукава терялись в глубинах леса. Выяснить глупо, можно полгода искать обходной путь, придется идти прямо.

Как форсировать внезапно возникшую водную преграду? В самом узком месте ширина составляла порядка полсотни метров. Плыть естественным способом очень опасно. Наверняка в воде полно крокодилов и еще всяких других кровожадных гадов, мечтавших отведать нежной человечинки.

Тазик сразу же уйдет на дно, как только спустишь его на воду. Изготовленный на скорую руку, он держал вязкий ил, чего не скажешь о настоящей воде. Остается одно: необходимо сделать плот.

В джунглях произрастали миллионы всевозможных деревьев, но ни одно из них не подходило для намеченного мероприятия: слишком крепка и толста древесина. Имея в руках всего лишь нож, пускай и боевой, Кремневу пришлось бы полгода срубить необходимые стволы. Тут надобно что-то другое. Обходя заросли и внимательно рассматривая росшие вокруг деревья, лейтенант неожиданно сам для себя отыскал единственно верное решение. Он увидел довольно широкие стволы какого-то дерева, покрытые толстой корой наподобие пробки. Срезав с него кусок, подбежал к водоему и метнул в воду. Кора не тонула, а лишь подрагивала на волнах, ни на йоту не углубившись в жидкость! Ура! То, что надо!

Не теряя понапрасну время, с головой окунулся в работу. Нарезал похожих на бамбук полых стволов росшего в глубине леса кустарника, надрал пробковой коры. За этим занятием и застигла Кремнева четвертая ночь в джунглях. Отработанным алгоритмом наломал сухих веток, перенес стоянку подальше от муравейника, выбрав аналогичное разлапистое дерево с холмом, натянул под его ветвями брезент, соорудив навес.

Уютно устроившись у очага, достал свинину. Фу! Отвратительный запах резанул в нос! Все! Шашлык из бородавочника откровенно протух. Размахнулся и зашвырнул далеко вперед, в сторону воды. Отужинал без изыска – тушенкой. Когда укладывался спать, перед самым началом ливня, явственно услышал недалеко от воды чье-то злобное урчание и чавканье. Кто-то чересчур беспардонный и голодный нашел шашлык и, не побрезговав, принялся уписывать его за обе щеки.

Весь следующий день ушел на производство плота. Оказалось, не все так тривиально, как показалось вначале. Кора действительно не тонула, но, чтоб и самому не утонуть, пришлось ободрать не одно дерево, а целых пятнадцать.

После пробку надо было так надежно увязать с выстроганными палками а-ля бамбук, чтоб сие сооружение не развалилось на самой середине озера-реки. Попутно подстрелил, истратив один патрон, на ужин непонятного зверя. Мордой тот похож на зайца, а хвост как у бобра, обитавшего на Среднерусской возвышенности. Но ничего, в нем оказалось килограмма три чистого, вполне съедобного мяса.

Наконец, к седьмому дню скитаний по конголезским джунглям, лейтенант Кремнев пересек водоем. Все же больше он склонился к тому, что это был один из притоков Конго, так как на середине обнаружилось приличное течение и его снесло вниз чуть ли не на километр. Выбравшись на противоположный берег, постановил плот не выбрасывать, а использовать его и впредь. Прикрутил к лодке и отправился дальше, таща волоком нехитрые пожитки.

Сегодня, похоже, удача улыбнулась ему вновь – Михаил выбрался на просеку, прорубленную падающим самолетом. Сориентировавшись, в какую сторону надлежит идти, направился по вырисовывавшимся следам.

Он перешагивал через поваленные в ходе аварии стволы деревьев и их срезанные макушки, с успевшими завянуть листьями, и сердце с каждым разом учащало биение. Что же его здесь ждет? А может, и кто? Маловероятно, конечно, но вдруг кто и уцелел из пассажиров?

Седьмая ночь застала переводчика на самом интересном месте, возможно, в двух шагах от самолета. Но с природой не поспоришь, опустилась экваториальная ночь...

Мучимый распиравшим изнутри любопытством, Кремнев проснулся задолго до окончания ночи. Ворочался с боку на бок, ждал долгожданный рассвет, а вместе с ним и завершение надоевшего за последние дни традиционного ливня. И вот стихли последние капли, над землей расстелился молочный туман. Михаил наскоро размялся, перекусил тушенкой и, не дожидаясь, пока окончательно спадет роса и исчезнет туман, отправился в путь.

Брякая о многочисленные лианы и вылезшие на поверхность почвы корни деревьев изрядно поднадоевшим багажом, что приходилось волочить за собой, Кремнев несколько раз чуть не наступил на змею и чудом не провалился в глубокую яму, зачем-то оказавшуюся у него на пути.

Взошло солнце, туман постепенно рассеялся, влага в траве уменьшалась, появились полчища мелкого гнуса и комаров. Мази в тубике совсем ничего, экономя, выдавил тонкий слой и нанес на лицо и шею, на руки не хватало. Неожиданно дорогу перебежало странное животное, с туловищем зебры и шеей жирафы без пятен. Окапи!

Потянулся за пистолетом, но передумал. Вес этого редкого животного килограммов под двести, одной пулей вряд ли уложишь. Ради трех килограммов мяса, что он успеет съесть до того, как остальное протухнет, лишать жизни такого красавца? Нет, не стоит оно того. Тушенка еще есть, вода тоже, а патроны на исходе.

К полудню сделал привал. Остановился под высоким деревом с могучей кроной. Лежа на расстеленном брезенте, принялся пристально вглядываться вверх, стараясь разглядеть далекое небо. Сквозь густую листву пробивался рассеянный зеленоватый полумрак. Вдруг что-то блеснуло на соседнем дереве, росшем метрах в пятидесяти от него. Что это? Пригляделся, очень похоже на кусок самолетной обшивки. Вскочил на ноги, вгляделся еще раз. Да, так и есть – фрагмент крыла. Усталость как рукой сняло, приободрился, скрутил брезент, швырнул в лодку и пошел далее, приглядываясь к сломанным верхушкам.

«Аннушка» возникла внезапно, словно привидение. Лейтенант отер пот со лба, завернул за колоссальное, с гладкой коричневой корой дерево и чуть не сел от неожиданности на лодку – в каких-то десяти метрах впереди лежал самолет. Точнее, то, что от него осталось.

Пропахав по верхушкам деревьев, потеряв по пути оставшееся крыло, шасси и двигатели, ломая все вокруг, Ан-12 носом въехал в красноватую землю. От него сохранились лишь смятая кабина и половина серебристого фюзеляжа. Выждав, пока утомонится не на шутку застучавшее в груди сердце, переводчик не спеша приблизился к остаткам самолета.

С шипением из недр фюзеляжа выползла черная змейка и с достоинством удалилась в кусты. Лейтенант вытащил пистолет и рукояткой несколько раз сильно стукнул по дюралевой обшивке. Сею же секунду изнутри выпорхнула стайка ярких щебечущих птичек и какие-то, по виду похожие на крупных грызунов, коричневые подозрительные животные.

– О-го-го! Тут есть кто живой? – крикнул Кремнев на русском языке. Затем повторил свой вопрос на португальском, испанском и английском. Немного подождав, добавил еще и по-французски.

– Ой-ой! – ответило слабое эхо.

Подпрыгнув, Михаил ухватился за приподнятый над землей метра на два край фюзеляжа, подтянулся и еле-еле влез вовнутрь. Едва он очутился в салоне, как тут же, чертыхаясь, пулей выскочил наружу. Резкий смердящий запах разложившихся трупов заставил его немедленно ретироваться.

Насколько успел разглядеть, в самолете оставалось несколько ящиков. Больше не успел ничего понять из-за жуткой вони, пропитавшей все пространство внутри. Да, об этом он как-то и не подумал. Ну что ж, хочешь не хочешь, а надо пробраться в салон, зря, что ли, ноги столько дней топтал.

Необходимо похоронить мертвых, забрать оружие, боеприпасы, может, еще чего, что есть там ценное. Главное, возможно, уцелела рация и удастся выйти на связь. Только с кем? Позыв-

ных своих он не знает, да и чужих тоже. Ладно, надо заявить о себе в эфир, не век же по этим болотам шататься. А там видно будет. На худой конец, должна же у летчиков быть карта местности.

С такими мыслями переводчик стал устраиваться на ночлег. Скоро стемнеет, надо, пока еще что-то видно вокруг, разбить лагерь, а с утра начать осмотр. Тем более утром после дождя будет попрохладней, может, не так будет вонять. Сейчас металлические борта самолета нагреты, что твоя сковородка на углях, да и запах приумножается.

Выбрав место для ночлега, натянув под деревом полог, Михаил отправился за дровами. Набрав приличную охапку сухих сучьев, Кремнев умудрился в потемках разглядеть вблизи растущих кустов странную птицу, напоминавшую обликом хрестоматийную цесарку. Не скидывая сухостой на землю, выудил из-за пазухи ПМ и, стремясь не спугнуть добычу, взял ее на мушку...

По вкусу экваториальная птица напоминала нашу обычную курицу. Местная цесарка оказалась настолько большой, что оголодавший лейтенант не съел и половины, оставив на утро. Ночью спалось плохо. Кремнев часто просыпался, ему все казалось, что кто-то пытается на него напасть, куда-то утащить, снились кошмары один ужасней другого. Утром встал разбитый и злой. В довершение ко всему пропали остатки вчерашней добычи. Видно, кто-то из жителей леса все же тайком наведалься к лейтенанту. Ох, не самое лучшее решение – ночевать недалеко от груды разложившихся покойников.

Не дожидаясь полного окончания дождя, Михаил обмотал нос и рот вчетверо сложенной мокрой тряпкой и повторил попытку проникнуть в самолет. Запах никуда не делся, но при таком подходе к делу стал более терпимым. А еще через десять минут и совсем перестал обращать на себя внимание.

Когда глаза привыкли к темноте, стало различимо и внутреннее содержимое самолета. В салоне ящики и куча веток да ворох опавшей листвы. Трупов здесь нет. Ящиков осталось три, один оказался пустым, в двух автоматы АК-74 без магазинов. Порывшись, отыскал цинки с патронами, пять коробок по 1080 патронов в каждом. Чем же тут так разит?

Прежде чем обследовать пространство дальше, вскрыл один из цинков и снарядил патроном автомат. Осторожно приблизился к кабине, к развороченным дверям. Михаил шестым чувством ощутил, что там его поджидает опасность. Скорее инстинктивно, чем осознанно, Кремнев поднял автомат и выстрелил в молчаливый тусклый сгусток, скакнувший на него из мрака. Падая навзничь, сумел сгруппироваться и приземлиться на спину, поджав ноги к груди. Отработанным за долгие часы тренировок движением быстро выбросил ноги вверх, навстречу рухнувшему на него противнику.

Держа на вытянутых ногах теплое мягкое тело, молниеносно перезарядил оружие и выпустил новую пулю в обездвиженного незнакомца, но, похоже, это было лишним. Лейтенант держал ногами остывающий труп. Не меняя позы, вновь загнал патрон в патронник. Как неудобно стрелять из автомата без рожка, приходится перезаряжать «калаш» после каждого выстрела, словно однозарядную винтовку! Ткнул стволом в обездвиженное существо – не подает никаких признаков жизни, сбросил с себя. Опять прижал ноги к груди и с силой выбросил их вверх. Через секунду Кремнев стоял на ногах.

Без резких движений снова двинулся в сторону кабины, держа автомат на изготовку, зажав в правой кисти дополнительные патроны. Все это время боковым зрением держа под наблюдением труп неизвестного.

В мятой кабине отыскал лишь несколько обглоданных до костей трупов, обильно покрытых жирными копошащимися мертвенно-белыми червями, еще один разбитый деревянный ящик из-под оружия, кучу листьев и чего-то еще. По крайней мере, из живых больше никого нет. Михаил, не опуская оружия, приблизился к трупу застреленного им животного. Не найдя

ничего подходящего под рукой, перевернул его прямо стволом автомата и от неожиданности нажал на спусковой крючок. Бах!

Звук выстрела привел его в чувство. Перед ним валялась неведомая доселе тварь. Ростом с дога, искаженная предсмертной судорогой морда, по форме как у гиены. Мускулистое вытянутое туловище, лишенное и клочка шерсти, покрыто зеленоватой складчатой кожей. Хвоста нет и в помине, лапы укороченные, заканчиваются тремя пальцами с огромными красными когтями. Но самое ужасающее, что на спине у существа топорщатся два перепончатых крыла, обтянутые синеватой гладкой кожицей, сложенные пополам и прижатые к бокам. Венчают крылья два безобразных саблевидных когтя сантиметров по пять каждый.

Первая пуля вырвала у этой летающей гиены кусок туловища, где по логике должно находиться сердце, из разбитой второй пулей клыкастой пасти стекала розоватая пена. Размозженный язык застрял в широкой глотке. Потухшие красные глаза наполовину прикрыты кожистыми веками. Из дымящихся ран продолжает вытекать светло-фиолетовая кровь.

– Боже, спаси и сохрани! – три раза произнес пораженный Кремнев, считавший себя до этого атеистом, и перекрестился. – От угодил же! Что это за чудище лесное?

Но ему никто не ответил. Уняв мелкую дрожь, предательски напавшую на него, Михаил еще раз выстрелил в монстра, перезарядил автомат и пустился осматривать кабину.

В кабине нашел еще несколько автоматов и с десятков пустых рожков к ним, ящик неразорвавшихся гранат РГД-5 и коробку взрывателей. Все-таки замечательное правило – держать запалы отдельно от гранат, в противном случае тут бы вряд ли что сохранилось. Больше ничего, что представляло бы интерес для него, переводчик не обнаружил.

Судя по останкам трупов, тут погибли шесть человек, как будто весь экипаж самолета. Рация разбита вдребезги, полетные карты разбухли от влаги и растоптаны многочисленными дикими посетителями, обглодавшими до костей их владельцев. Кое-где сохранились следы мягких тканей, издававших столь отвратный запах.

Курьезно, если можно применить это слово в данной ситуации, то, что все пистолеты и боезапас, находившийся при летчиках, остались в целостности и сохранности. Так и остались висеть на скелетах в проекции поясицы с закрытыми кобурами, как и застала их смерть.

Кремнев отодрал брезент, которым был выстлан пол в самолете, сложил в него все останки погибшего экипажа. Забил найденные рожки патронами и длинными очередями «вырезал» в кабине отверстие. Через него спустил усопших на землю.

Взрывами пяти гранат отрыл глубокую яму. В этой братской могиле и захоронил летунов, предварительно собрав с них все пистолетные патроны. Постоял, дал очередь вверх из автомата, отсалютовал на прощание погибшим товарищам.

Теперь у лейтенанта были и оружие, и боеприпасы. В куче мелкого хлама отыскал также почти полную газовую зажигалку, и самое, что его порадовало, – это медицинская аптечка. А в ней, помимо марганцовки, йода, пластиковой бутылочки со спиртом, были бинты, вата, угольные таблетки, резиновый жгут и несколько упаковок с обезболивающим и антибиотиками.

Кремнев разделся, умылся собранной по кустам водой и с наслаждением очистил бинтом, смоченным в спирте, многочисленные гнойники. Сдирал с исступлением, до самой крови, чтоб извести из тела всю заразу. После смазал все йодной настойкой и выпил доксоциклин.

После гигиены начал не спеша собираться в дальнейший путь. Если раньше не встретит людей, то построит большой плот и начнет спуск к океану, благо гранат теперь много, любое дерево опрокинет в два счета. А пока надо осмотреть ближайшие окрестности. Вдруг еще кто-то уцелел и нуждается в его помощи?

Глава 5

До сумерек лейтенант успел прочесать километров восемь лесного массива вдоль траектории падения самолета по правую руку. Никаких следов человека так и не обнаружил. Нашел лишь остатки винтов и шасси, обрывки обшивки и еще не представляющую интерес разную мелочь. О присутствии в этой местности людей не было и малейшего намека. Заночевал под сенью кряжистого дерева, росшего на высоком пригорке.

Утром Кремнев проснулся от душераздирающих воплей, доносящихся со стороны самолета. Кто-то так голосил нечеловеческим голосом, что стало даже как-то не по себе. Лейтенант схватил за цевье автомат и, придвинув оружие поближе к себе, боязливо выглянул из-под навеса. Дождь почти прекратился, сумерки отступали, небо проясняется, подозрительного ничего нет, если не считать притаившейся на соседней ветке небольшой серой змеи. Михаил прикладом сбил ее с насиженного места, и недовольная гадюка с шипением проворно уползла в траву.

Раны болели гораздо меньше, похоже, лечение пошло на пользу. Переводчик сделал зарядку, умылся и обработал ранки и ссадины спиртом и йодом, выпил доксоциклин – отличный антибиотик из группы тетрациклинов, пьется всего один раз в день. Собрал вещи и выступил поход.

Сейчас он должен перейти на ту сторону просеки и обследовать район по левую руку. Теперь надлежит идти в сторону самолета. Если все пойдет так, как надо, то к вечеру доберется до «Аннушки». Обследовать район за речкой, что он так геройски форсировал, нет смысла, фюзеляж плюхнулся за ней. А хвост, в котором сидел Кремнев, упал до нее, так как он отлетел в противоположную сторону.

Часа через два быстрой ходьбы смутное беспокойство закралось в душу Кремнева. У него появилось предчувствие, что за ним кто-то неотступно следит. Кроме того, что-то еще вызывало непонятный дискомфорт. Что же было не так?

Остановился и тщательно прислушался. Точно! Так и есть! Птицы, до этого беззаботно трещавшие на всю округу разноголосой трелью, отчего-то в один раз замолкли. Да и любопытные обезьянки, что постоянно пялились на него с безопасной высоты, внезапно куда-то все запропали.

Лейтенант снял с предохранителя автомат и дослал патрон в патронник. Но сколько он ни вслушивался, сколько ни всматривался по сторонам, ничего серьезного не ощущал. Однако шестое чувство подсказывало, что рано расслабляться, надо быть начеку.

Так бы и сгинул бесследно в Ликвальском болоте военный переводчик Миша Кремнев, если б не солнце. Как-то вот пробило оно недоступную обычно для себя зеленую поросль, пробило и указало сияющим лучом на страшную тварь, заходящую на лейтенанта с воздуха. Отброшенная на траве, летящая справа тень заставила его развернуться и всадить, не целясь, почти сразу весь рожок в несущуюся на него сверху крылатую смерть.

Тяжелое могучее тело, ломая перепончатые крылья, захлебываясь кровавой пеной, со страшным грохотом упало к ногам стрелка. И в ту же секунду над лесом раздался тот самый страшный, нечеловеческий ор, слышанный ранним утром, и новая тень спикировала на Кремнева, заходя с другой стороны. От неожиданности Михаил упал на землю и, в падении развернув ствол автомата, выпустил остаток патронов в нового неприятеля.

Два отвратительных тела бесформенными кусками странной биомассы возвышались перед лейтенантом. Разваленные на части грозным оружием гигантские монстры истекали неестественной светло-фиолетовой кровью. Из пасти же шла розовая почему-то пена. Кремнев заменил магазин и двумя длинными очередями еще раз прошелся по дымящимся тушам.

Тот же оскал лишенной шерсти гиены, те же наполовину прикрытые красные глаза, та же зеленоватая в крупную складку кожа. Красные когти и синеватые крылья, слегка прижатые к бокам. Твари как две капли воды схожие с тем монстром, что он уложил вчера утром. Размеры убитых сегодня созданий были намного больше – с приличного быка. Не папаша ли с мамашей того людоеда валялись перед ним, что он подстрелил в самолете? Похоже, что так! Ишь как вопили истошно. И надо же, летали, искали его, знали, что он где-то здесь. Умные твари. Интересно, а сколько их всего?

Ладно, надо отсюда скорее уходить, а то еще кого-нибудь нелегкая принесет. Подхватив пожитки и перезарядив оружие, Кремнев отправился далее. Из головы никак не выходили эти летающие гиены или кто они там. Что за звери? Почему он никогда про них не слышал?

Часа через два пути решил сделать новый привал. Минут пятнадцать повалился на брезенте, лениво отгоняя от себя сломанной веткой назойливых насекомых. Внезапно ему пришла в голову мысль: а что, если залезть на высокое дерево и осмотреться? Почему бы и нет?!

Памятуя о предыдущем не совсем удачном покорении высоты, дабы избежать неприятных последствий, прежде чем вскарабкаться на ствол выбранного им дерева, лейтенант ножом сбил кору. Выждал минут десять. Хотя это дерево и не похоже на предыдущее, истекавшее слизью, проверка не повредит. В месте удара сок есть, но не много и вовсе не скользкий. Сбросив вещмешок и оставив при себе пистолет и нож, Кремнев ринулся вверх.

Взобравшись на высоту метров двадцать, распугав при этом всех мартышек и попугаев, лейтенант принялся созерцать окрестности. Посмотрел налево и чуть не упал с дерева: в каком-нибудь километре от него на одном из деревьев висел... парашют. Настоящий парашют, со свисающими вниз стропами. Жаль, нет бинокля, но и так видно, что парашютиста в нем нет.

Пулей слетел вниз и, забыв о всякой осторожности, подхватил манатки и понесся туда, где белел шелковый купол. А зря, не на Невском проспекте, чай, гуляет в Ленинграде, а в тропическом конголезском лесу, где ухо всегда надо держать остро. Не пробежав и сотни шагов, Михаил увидел мчавшийся на него справа пятнистый ком. Леопард! Короткая очередь – и пожиратель обезьян как подкошенный свалился в бурю липкую лужу неподалеку.

– Да что вы все, сговорились, что ли! – плюнул в сердцах лейтенант. – Пока, значит, я автоматом не обзавелся, никто из вас и не думал на меня нападать. Как оружием поприличней разжился, так каждый местный туз норовит меня съесть. Что за штука? Что вы ко мне как мухи на мед липнете?

Но мертвый леопард хранил глубокое молчание. Мех у дикой кошки переливался благородством и волшебной красотой. Искренне жаль было это поистине уникальное творение природы, но здесь чистая самооборона. Михаил встал над распростертым королем джунглей и на минуту задумался. Шкура ему не нужна, мясо леопарда кушать как-то тоскливо. А ладно, пускай остается, ему надо бежать дальше. Вперед к парашюту, на сей раз крутя головой на все триста шестьдесят градусов.

Огромный купол парашюта надежно завяз в вышине. Извитые ветви тропических растений мертвой хваткой прижали его к разлапистой кроне лесного исполина. Подойдя поближе, Михаил определил, что стропы внизу срезаны чем-то острым. Скорей всего, запутавшийся парашютист применил нож-стропорез. Но где же он сам? Неумно призывать кого-то спустя неделю с гаком после посадки, но чем черт не шутит?

Кремнев принялся надсадно звать: «Тут есть кто? Отзовись!» – на всех языках, коими владел. Как заведенный через каждые десять секунд повторял предложения, словно заклинания, по кругу обходя это место. Покричав так с полчаса, успокоился. Никто на человеческом языке так и не отзывался. Кваканье лягушек, птичий свист да писк дерущихся обезьян неслись в ответ.

Ну что ж, нет так нет. Надобно залезть на дерево да снять парашют. Шелк и стропы наверняка сгодятся в хозяйстве. Из купола получится превосходная палатка, а стропы пойдут

на веревки. Скоро их много понадобится для вязки плота. Кое-как стащил парашют, обломав по пути немало веток, усеяв ими всю округу.

Уставший лейтенант бессильно свалился на кучу добытого им шелка и, сам того не замечая, понемножку задремал.

Очнулся Кремнев от каких-то весьма странных звуков, доносившихся из глубины джунглей. Глухое постукивание напоминало удары дерева об дерево. Так бывает, если сухой палкой ритмично стучать по бревну. Барабан? Не похоже. Тамтам? Возможно, местное племя туземцев собралось на свою сходку? В любом случае надо идти на звук и проверить, что это.

Переводчик проворно собрал парашют, сложил в одну кучку, как когда-то учили в десантной учебке, и обвязал его куском строп. Получился такой малообъемный тючок, который закинул за плечи и отправился на звуки тамтама.

Пока преодолевал зелено-колючие заросли, звуки затихли. Раздосадованный лейтенант пальнул пару раз в воздух из автомата. Удары возобновились, причем, как показалось, с удивительной силой. Нет, это определенно не туземцы.

– Мботе! – поздоровался Михаил на языке лингала, бывшем в ходу в этих краях, с сидящим под деревом африканцем.

– Мботе! – улыбаясь, ответил чернокожий человек и перестал стучать палкой по стволу.

– Нденге нини? – продолжил знакомство полиглот, что означало «как дела?».

– Месье, жерль пар Франсе? – неожиданно заинтересовался неизвестный на довольно сносном языке Дюма и Гюго.

– Уи! – ответил лейтенант и перешел на французский. – У вас неплохое произношение.

– Спасибо! Я так понимаю, что вам лучше говорить на этом языке, чем на лингала? – еще шире улыбнулся негр.

– О да! Весь словарный запас лингальских слов я исчерпал. А вам удобно говорить на французском языке?

– Разумеется, я же офицер заирской армии.

– Вот как? А как же вы сюда попали?

– Да так же, как и вы, – выпал из развалившегося самолета.

– Точно! – хлопнул себя по лбу Кремнев. – Я же видел вас в салоне Ан-12, когда мы летели сюда. Сейчас вы обросли бородой и не видно вашей военной формы. В самолете вы были в форме.

– Вы тоже, надо признаться, изменились, обзавелись бородой и осунулись. Хотя форма на вас, кажется, еще новее стала.

– Я взял ее из тюка с обмундированием, а что случилось с вашей?

– Она ушла на это. – Заирец указал рукой на левую ногу.

Сейчас Михаил обратил внимание, что левое бедро и голень африканца фиксированы тремя длинными палками, примотанными разорванной гимнастической лентой. На раненом остались черная футболка и форменные штаны. Кутался он в грязную куцую рогожу. Покрытое курчавой с проседью бородой отошавшее лицо излучало неподдельную радость.

– Мы так и не познакомились, я – Михаил Кремнев, советский военный переводчик, сопровождал груз оружия и амуниции в Заир.

– Мишель Мбомбо, лейтенант заирской армии, должен был охранять этот груз, – пожал негр протянутую переводчиком руку.

– Тезка, значит. А я почему-то принял вас за кубинца, – произнес советский офицер, отмечая про себя, что рукопожатие у этого Мбомбо довольно сильное.

– Нет, я лингала, – снова улыбнулся Мишель. – Давайте перейдем на «ты», без брудершафта?

– Согласен. А вы, то есть ты, уроженец этих мест?

– Не совсем. Я уроженец Бикоро, это южнее Мбандаки. А здесь людей нет. Гиблое место. Сюда даже пигмеи не заходят.

– А мы где сейчас находимся?

– Мы в Ликвальских болотах. В самой его центральной части. Отсюда до Мбандаки километров триста будет по самым непроходимым топям и сельве.

– А почему так далеко? Я думал, мы к самой Мбандаке подлетали. По времени так получилось.

– Нет, самолет летел не по прямой, он сделал уклон влево и шел над рекой Конго, таким образом путал следы, если бы нас кто засек с радара.

– Отвлекающий маневр? – присвистнул Кремнев.

– Типа того! – подтвердил Мишель. – Мы еще должны были перед Мбандакой завернуть к Бикоро и сбросить часть оружия на парашюте. Там нас в условленном месте ждал еще один отряд повстанцев.

– Теперь понятно, почему мы полетели на Ан-12 – с него можно сбросить все, что угодно.

– Это оружие предназначалось нашим партизанам. Основная партия летела в Мбандаку, там бы разгрузились и поменяли инструкторов.

– А те двое, что сидели с тобой, черный и белый парни, они кубинцы?

– Да, они нам помогают. Там на аэродроме они бы поменяли других парней с Кубы, что пол года жили на наших базах в джунглях.

– А кто тогда нас подбил? Кто выпустил эту чертову ракету?

– Сам голову ломаю! – нахмурился Мишель. – Там, по нашим данным, нет никаких отрядов, одно сплошное болото.

– Может, пигмеи?

– Пигмеи? – рассмеялся африканец. – Ты видел когда-нибудь пигмеев?

– Нет. Живьем не видел, только по телевизору.

– Так вот, доложу я тебе, дорогой друг Михаил, пигмеи еще пребывают в каменном веке. Для них самое сложное оружие – это лук и стрелы. Чтоб с ПЗРК шандарахнуть, нужен опыт и знания. И его еще где-то раздобыть надо, такие установки просто так по джунглям не валяются.

– А как ты с парашюта выпрыгнул? – перевел разговор в сторону Кремнев. – Я парашюты в салоне видел, но как в такой суматохе тебе удалось им воспользоваться? Может, еще кому повезло?

– Чисто каприз судьбы! Я в тот момент, когда ракета влетала в двигатель, как раз приготовился привязать к парашюту ящик с автоматами, он у меня в руках находился. А когда все загрохотало кругом, я его машинально на себя и надел.

– Да, но как тебе высоты-то хватило для прыжка? Когда хвост отвалился, мы по кронам деревьев скользили, мне этот момент отлично в память врезался. Там метров пятьдесят до земли оставалось.

– Ты, Михаил, не поверишь, но каким-то чудом самолет подбросило вверх.

– Вверх? Без хвоста?

– Ты не веришь?

– Ну, не знаю. Самолет падал вниз, когда я от него отделился.

– Но тем не менее я сижу перед тобой, а мой парашют у тебя в руках.

– Извини, Мишель, продолжай.

– Да тут и продолжать особо нечего. Когда самолет стал разваливаться на части и отвалился хвост, его неожиданно швырнуло резко вверх, все, кто был в салоне, и несколько ящиков с оружием попадали наружу. Я дернул кольцо и потерял сознание. Очнулся висящим на дереве.

– А остальные?

– Остальные были без парашюта. Сам понимаешь, их шансы против моего не стоят и одного жалкого сантиметра.

– Ясно. А как ты повредил ногу?

– Да проще простого! Представляешь, выпал из самолета и остался жив. А когда падал с дерева, то умудрился сломать голень. Начал срезать ножом стропы, не рассчитал и сорвался вниз, прямиком на какой-то старый пенёк. Ладно, давай устраиваться на ночлег, скоро стемнеет, после договорим.

– Согласен, – кивнул Кремнев. – Ты пока парашют распутай, соорудим из него палатку, а я пойду дровишек принесу, может, кого и на ужин подстрелю.

Глава 6

Как приятно сидеть подле костра, жарить свежую свинину и разговаривать, пускай и не на родном языке, но с живым человеком. Охота на бородавочника прошла вполне успешно. А собранного хвороста с лихвой хватит до самого утра. Из парашютного шелка соорудили некое подобие монгольской юрты или индейского вигвама, кому как нравится, главное – не пропускает льющийся со свинцового неба неумный дождь.

– Ох, как я отвык от нормальной пищи! – с блаженством произнес Мишель, утирая тылом кисти капавший с бороды теплый жир.

– Так ешь на здоровье! – улыбнулся Кремнев. – А то к вечеру все равно все протухнет.

– Нет, спасибо, русский друг. Нельзя сразу много мяса кушать. Я в эти дни сильно голодал. С непривычки возможен заворот кишок. А чтоб мясо не протухло, его надо нвенге натереть.

– А что, у нас есть нгенге? – спросил довольный и сытый Кремнев, удобно укладываясь возле костра.

– Не нгенге, а нвенге! – поправил заирец. – Это на языке лингала. Нвенге – такая душистая трава, она предохраняет мясо от порчи. Если в нее завернуть тонко нарезанные куски, то ни мухи на него не усядутся, ни гнить не будет дней пять минимум. А на суахили называется габа.

– Хорошо, габа-нвенге. Где ее набрать?

– Да тут полным-полно ее. Утром я тебе ее покажу, сейчас в темноте и под дождем не стоит рыскать.

– А вдруг мясо прокиснет до утра или кто стянет?

– Да и шут с ним, еще подстрелишь, теперь у нас огнестрельное оружие имеется, а дичи тут навалом. Оружие всегда держи при себе, без него даже в туалет не ходи. Кстати, ты не мог бы мне одолжить свой пистолет, пока мы не доберемся до самолета?

– Конечно, Мишель, о чем ты говоришь! На, держи! Пистолет Макарова! Знаком с ним?

– Разумеется! Вся заирская армия вооружена оружием советского производства!

– Вот тебе и полсотни патронов к нему!

– Спасибо, друг, вот это королевский подарок! – заметно приободрился африканец, принимая из рук советского лейтенанта пистолет и боеприпасы.

– А почему ты от дерева с парашютом отошел? – неожиданно спросил переводчик.

– Так это... – рассеянно ответил Мбомбо, внимательно вслушиваясь в льющийся на улице дождь. – Сколько можно было ждать? Подождал, подождал, никто не идет, решил сам выбирать. Вот привязал палку к ноге, соорудил костыль и пошел потихоньку. А как отошел, услышал выстрелы и взрывы, сообразил, что кто-то есть в джунглях. Рано или поздно, думаю, обязательно наткнутся на парашют. Вещь-то приметная. Издалека во-он как видать. Занял позицию, чтоб держать его перед глазами. Все! Как парашют с дерева исчез, стал палкой дубасить по дереву, чтоб, значит, услышали.

– Ловко! А что назад не вернулся? Вдруг бы я ночью парашют снял? Что тогда?

– Ну, что ты, дурак какой, по ночам по деревьям лазать? И тем более, если кто чужой бы на меня вышел, всегда есть шанс схорониться.

– То есть ты меня видел, как я приближался?

– Конечно, Михаил! Я тебя за полкилометра заприметил! У меня зрение отличное, если б ты был враг, то ни за что бы меня не отыскал.

– Мишель, а ты что все как на иголках сидишь? Все вслушиваешься, пистолет теребишь? Что-то случилось? Как твоя нога? Давай посмотрю!

– Нога? Нога нормально! Я ее так зафиксировал, что иногда и забываю про нее!

- Ну. Все равно дай гляну!
- Нет, спасибо! Тут другое!
- Да в чем дело? Случилось чего?
- Случилось! Ой, случилось! Вот собираюсь подумать, как беду от нас отвести!
- Ты толком-то можешь объяснить, что произошло? Что страх-то нагоняешь почему зря?
- Не зря, брат! Не зря! Ты убил твале! А они этого так просто не оставят! Я-то знаю, поверь мне!
- Я тебе верю, Мишель, поясни мне, что за твале я убил?
- Твале – это то создание, что ты обозвал летающей лисицей.
- Не лисицей, а гиеной!
- Не суть! Пигмеи их называют «твале мгобо», что значит «летающий дьявол». Или кратко – твале, дьявол.
- Так и что это за животное такое?
- Никто толком не знает. Я вот много раз про них слышал, но сам ни разу не видел. Знаю, что живут они большими семьями по десять и больше особей. Обитают где-то в самом сердце Ликвальских болот, куда человеку путь заказан.
- А сюда как они попали?
- Говорят, у них сильно развит интеллект. Похоже, тоже видели, как упал самолет, и прилетели посмотреть, есть ли чем поживиться.
- Ну не знаю, что они за дьяволы, скажу, что пуля превращает их в кусок дерьма в два счета! Кровь их фиолетовая во все стороны брызжет фонтаном!
- Это не кровь!
- Не кровь? А что тогда? Я сам видел, как с них эта дрянь лилась!
- Не кровь это, – тихо повторил Мбомбо и закрыл глаза, прислушиваясь к падающему дождю.
- Кровь не кровь, какая разница! Главное, что эти твале дохнут за милую душу! У меня патронов много, всем достанется!
- Ладно, особо не храбрись! Прибереги силы. Полагаю, они тут.
- Кто тут? – не понял Кремнев.
- Твале мгобо! Они тут!
- Откуда ты знаешь? – холодеющим от страха голосом спросил переводчик.
- Знаю! – бросил Мишель. – Сейчас твале к нам не сунутся. Они в дождь плохо летают, крылья мокнут и теряют силу, а без них твале не любят охотиться. Атакуют, когда закончится дождь.
- Так давай по-тихому уползем. Раскочегарим костер, типа мы тут сидим, а сами в другое место перейдем, спрячемся под брезентом. Как на юрту нашу налетят, мы их всех и положим.
- Мысль хорошая, но мы не знаем, сколько их.
- Да хоть сколько, у меня еще и гранаты имеются.
- Гранаты – это хорошо, однако ты одно не учитываешь.
- Чего я не учитываю?
- Твале в темноте видят лучше, чем ты днем! Отчего у них глаза красные? Устроены они так мудро, чтоб ночью видеть. Эти твари ночью добычу выслеживают, а утром нападают. Хватают и тащат к себе в логово. Единицы людей, кто их живьем видел, а в логове уж точно если кто и бывал, то назад не возвращался.
- Значит, так! – стукнул кулаком об колено Кремнев. – Тогда выход один: надо встретить непрошенных гостей свинцовыми примочками! Накормим ими досыта!
- Да, это, пожалуй, единственно верное решение в сложившейся ситуации, – без особого энтузиазма поддакнул негр.

Всю ночь единомышленники готовились к отражению вторжения злобных монстров. Михаил набил патронами все имеющиеся в наличии магазины, распределил гранаты. Заранее наметили, где утром необходимо рассечь ткань и выскочить на улицу. Наверняка если эти твале такие умные, то станут ждать их возле входа. А они выскочат одновременно и с разных сторон. Один справа, другой слева.

Ночь прошла в тревожном ожидании. Болтать просто так никому не хотелось, каждый погрузился в мысли, сжимая крепко обеими руками оружие и вслушиваясь в доносившиеся с наружи звуки,

– Кажется, пора! – прошептал на ухо Михаилу напарник. – Дождь почти прекратился. Надо начинать!

– Как считаешь, Мишель, они где сейчас находятся?

– Скорей всего, полукругом сидят на ближайших ветках. Ждут нас, когда мы вылезем.

– Хм! Все-то ты о них знаешь, – хмыкнул Кремнев. – Как знатный твалевед рассуждаешь.

– Как кто? – наморщил лоб заирец.

– Твалевед! Специалист по твале. Странно, а что, у тебя нога не болит? – ткнул переводчик в забинтованную конечность Мбомбо.

– Болит. А с чего ты взял?

– А то, что ты на нее так смело наступаешь. И даже не прихрамываешь. Подозрительно как-то.

– Не бери в голову, хватай нож и по моей команде режь шелк слева от входа, а я справа. – Мишель приподнял левую руку. – Как махну, действуем синхронно. Вываливайся из палатки, падай на спину и перекатывайся в сторону от нее, стреляй вверх. Они с воздуха налетят.

– Откуда ты все знаешь? – пробурчал советский лейтенант и, отвернувшись от напарника, изготовив нож, замер в ожидании сигнала.

«Бах!» – бездушно треснул за спиной одинокий выстрел.

Он резко обернулся и отпрянул в сторону. В углу палатки стоял на правом колене и улыбался Мишель. Его ярко-красные глаза источали розоватый свет, в правой руке зажат курящийся еще светлым дымком пистолет, а из развороченной пулей левой голени текла светло-фиолетовая жидкость.

– Не стреляй! – остановил вскинувшего автомат Кремнева вялым движением левой руки африканец. – У нас очень мало времени, дай сказать.

– Ну, ты, как там тебя, Мбомбо? Не делай резких движений, а то мигом словишь пулю, аккуратно прямо в красные поросячьи глазки, – пригрозил Михаил, быстро пришедший в себя от такой неожиданной метаморфозы, приключившейся с типом, с которым он еще пару минут назад делил кров, – не думай, рука не дрогнет!

– Опусти оружие и выслушай меня! – взмолился заирец. – У нас на самом деле очень мало времени. Скоро дождь кончится и твале ворвутся сюда. Они слышали выстрел, значит, могли сообразить, что что-то пошло не так.

– Что пошло не так? – стиснув зубы, спросил Кремнев, наводя ствол АК на недавнего друга.

– Послушай, – криво ухмыльнулся негр, – если бы я хотел тебе вреда, то выстрелил не себе в ногу, а тебе в спину. Ты этого что, так до сих пор и не понял? Я же на твоей стороне.

– Говори! – жестко приказал переводчик, опуская ствол «калаша». – У тебя есть пять минут.

– Спасибо! – облизнул Мишель пересохшие губы. – А больше нам вряд ли дадут. Падают последние капли.

– Много лирики, давай по существу.

– По существу так по существу! Я – зомби!

– Да я понял, что не милый малыш из детского сада, – растянул рот в подобии улыбки Кремнев. – Что такое зомби?

– Зомби – это мертвый человек, на время оживленный и направленный для выполнения определенной задачи.

– Так ты что, покойник? – открыл рот от изумления переводчик.

– Конечно! А ты поверил в эту сказку с парашютом и счастливым спасением?

– Да, но ты же ел, говорил, смеялся, наконец, как же так? – раскрыл удивленные глаза Михаил. – Ты же со мной в одном шатре ночь провел!

– Ну и что? Я все время от тебя держался на расстоянии, если б ты потрогал меня, то ощутил бы, что я весь холодный. И во мне нет и капли тепла!

– Однако как такое возможно?

– А тебе в голову не приходило, как человек в сельве, под дождем, без одежды, без еды, где полно диких зверей и ядовитых насекомых, в одной лишь майке, да еще и со сломанной ногой, больше десяти дней пробыл? Больше десяти дней прошло с момента падения нашего самолета.

– Да, я не придавал особого значения этому факту. Ты же лингала, выходец из этих мест, сам же говорил. А вы, надо полагать, выносливые люди и к джунглям привычные.

– Ха-ха-ха! – беззвучно засмеялся зомби. – Мы-то привычные, но без еды и одежды долго не протянем. Одним пигмеям это по силу, и то потому, что они этому обучаются с самого раннего детства. Ладно, ближе к делу. Мы все погибли, и я, и твой майор, как его?

– Кравцов, – подсказал лейтенант.

– Да, точно. И Кравцов погиб, и оба кубинца, черный, как я, и белый.

– Как я, – попытался пошутить переводчик.

– Слушай и запоминай, что я скажу дальше, а пока шутки в сторону.

– Ну а что тут такого, когда еще доведется пошутить с живым мертвецом?

– Здесь, в болотах, расположена скрытая от посторонних глаз некая база, – продолжил зомби, не задерживаясь на сарказме переводчика.

– Что за база, Мишель?

– Кремнев, – впервые заирец обратился к советскому лейтенанту по фамилии, – слушай, вопросы после! Дождь почти прекратился.

– Извини, больше не буду!

– В общем, так. Не знаю, кто они и какие задачи преследуют, только твале мгобо их рук дело. Они искусственно созданные твари! Не перебивай! Когда хвост отделился от самолета, мы все, кто находился в салоне, повывлетали вслед за тобой. Затем я потерял сознание. Очнулся в их лаборатории. Они выпустили из меня всю кровь и вместо нее влили какую-то светло-фиолетовую жидкость. К ноге приладили прибор, что-то типа передатчика. – Мишель указал пальцем на дырку в ноге. – Вживили вот сюда, прямо под кожу левой голени. С его помощью они меня контролируют. Подают мне необходимые команды.

– Как? На каком языке?

– Ни на каком. У меня в мозгу само все воспроизводится. Я на экране там, в лаборатории, видел, как ты расправился сначала с одним маленьким твале, а потом с двумя большими.

– На экране? Что за бред?!

– Это не бред, там такая белая комната, на стене огромный экран и все видно: как ты в самолет лазил, как стрелял в молодого твале.

– Так что, получается, я у них все это время под наблюдением был?

– Не все время, у твале есть специальные камеры, они и передают на экран изображение местности, где сами находятся и что сами видят.

– И ты передаешь?

– Я нет! Я уничтожил прибор, теперь они нас не видят и не слышат. Меня перебросили сюда по воздуху на каком-то непонятном воздушном судне, типа тарелки, с невидимыми снаружи стенками. Внутри все видно, а снаружи нет.

– НЛЮ? Неопознанный летающий объект?

– Возможно, но те люди, из бункера, похожи на нас с тобой.

– И что, негры есть?

– Негров не наблюдал, одни европейцы. Мне дали задание войти с тобой в контакт, оставить ночевать, чтоб утром твале захватил тебя в плен, они тебя ждут с левой стороны от входа. Главное, чтоб ты ничего не заподозрил и не застрелился. Ты им нужен живым.

– А с чего это я вдруг стреляться должен?

– От безысходности!

– Ну, это еще бабушка надвое сказала!

– Бабушка? А при чем тут бабушка?

– Это у нас, у русских, такая поговорка есть, мол, посмотрим еще, кто кого!

– А-а, поговорка... – вяло протянул негр. – Все, пора! Сейчас разрежь стенку шатра слева от входа, и я туда прыгну. Они ждут. А ты сигай через сам вход и мочи всех, кого увидишь, в том числе и меня.

– Тебя?

– Да, и меня! Не бойся, мне хуже не будет! Я и так мертвее мертвого! С тобой разговариваю, так как заткнул дырку пальцем. А то бы вся питательная жидкость вытекла. Давай, готов?

– Мишель, скажи, а почему ты мне помогаешь?

– А потому, что ты мне пришелся по душе! Еще там, в Анголе.

– А разве у зомби сохраняются чувства?

– Может, я еще не до конца умер? – улыбнулся африканец. – Держи ПМ и патроны, они мне вряд ли еще понадобятся. Да, как отсюда выберешься, уходи строго на север, к реке Конго, и никуда не сворачивай. Да, я тебе вчера обещал показать траву габа, для сохранения мяса. Вон там ее полно, высокая такая, с малюсенькими желтыми цветочками на макушке, по запаху напоминает, как ни странно, мяту.

– Мяту?

– Мяту, мяту! Все! Режь левую стенку! Выходим!

То, что произошло, в последующем отложилось у Кремнева в памяти точно кадры замедленной киносъемки. Он наотмашь рубанул по гладкому шелку шатра остро отточенной сталью боевого ножа. В образовавшуюся брешь ринулся заирский лейтенант Мбомбо. С интервалом в две-три секунды следом за ним, но в другую сторону, отодвинув полог «юрты», затяжным нырком вывалился наружу и лейтенант советской армии.

Перекувырнувшись через голову, боковым зрением узрел, как два темных пятна отделились от ближайшего дерева и метнулись на поднявшегося во весь рост африканца. В мгновение ока Михаил навел холодный ствол на твале и, не теряя даром времени, открыл по ним прицельный огонь. Короткими перебежками, стреляя с колена и от груди, он стремительно отходил к кромке леса.

Вот еще парочка злобных монстров спикировала на него откуда-то сверху, рассекая перепончатыми крыльями влажный воздух. Переместил огонь и на них, на ходу меняя пустые магазины. Через пять минут вся поляна перед палаткой оказалась завалена дымящимися трупами и отстрелянными гильзами. Тогда Кремнев ощутил, как припекает левую кисть. Так сильно, буквально за несколько минут, нагрелось автоматное дуло, что раскалившийся металл начал безжалостно обжигать стрелку кожу.

В горячке лейтенант расстрелял все снаряженные магазины, времени на пополнение боезапаса не оставалось. Он рывком выхватил из кобуры пистолет, снял его с предохранителя и прислушался. Кругом стояла поразительно безмятежная тишина. На автопилоте подцепил

брошенные впопыхах вещмешок и брезент, подобрал пустые магазины и оброненный, опустошенный до последней пули автомат. Прикрываясь заряженным пистолетом, держа поляну под постоянным прицелом, пятясь задом, отошел к лесу.

– Мишель, ты живой? – громко позвал Кремнев из-за корявого дерева, пристально всматриваясь в неподвижные трупы на поляне. – Мишель! Мбомбо! Мишель, отзовись! Если ты цел, то дай знать!

В ответ донеслась лишь гробовая тишина. Стараясь не испытывать судьбу, покричав еще минут пять, Михаил проворно сориентировался на местности и, подхватив свое имущество, припустил бегом по джунглям, каждые десять – двенадцать шагов оглядываясь назад. Погони как будто бы за ним не отмечалось.

Переведя дыхание и как следует отдышавшись, проверил, что уцелело в вещмешке. Так, шесть гранат, сотня патронов к АК, с полсотни, а может, и больше зарядов к «Макарову», да плюс кусок сроднившегося с ним за эти дни вышарканного куска брезента. Наскоро забил уцелевшие магазины до отказа боекомплект, вышло три рожка полных и один с двенадцатью патронами. Негусто!

Вытянув уставшие натруженные ноги, постарался максимально расслабить ломившие от усталости мышцы, прикрыл глаза и задумался. Еще раз прокрутил перед собой события нынешнего утра. Зомби, твале, НЛО, куча трупов, неизвестные экспериментаторы! Кошмар! С чем он столкнулся в этом болоте вблизи экватора? Кому он нужен живым? Как отсюда выберется? Есть ли за ним погоня?

Одни сплошные вопросы и ни одного путного ответа. Негр предупреждал его ни в коем случае не идти к самолету, там может оказаться засада. А кто ее организует? Какими силами? Снова твале пошлют? Опять распирающие мозг вопросы без желанных ответов.

Хорошенько поразмыслив, взвесив все за и против, Кремнев постановил отправиться к остаткам самолета. Необходимо обязательно пополнить боезапас и забрать лодку и плот. Чтоб идти к берегам Конго, придется преодолевать топкую трясины, мутные ручьи, многочисленные озера, да и просто безразмерные лужи, что их не объехать, не обойти. Без «тазика» тут, факт, никак не обойдешься.

– Ладно, как говорится, Бог не выдаст, свинья не съест! – вслух проговорил переводчик и усмехнулся. А свинью он, кстати, и сам с превеликим удовольствием съест при первом же удобном случае.

Ба! А вот и трава, про которую ему рассказывал негр Мишель, что позволяет сохранять в местном климате сырое мясо. Желтенькие махонькие цветочки, собранные в небольшие бутончики, приветливо колышутся на ветру и источают аромат нашей мяты. Все сходится – это те самые.

Выбрав небольшой бугорок, возвышавшийся над жесткой травой, недалеко от самолета, Кремнев расположился на ночлег прямо на нем.

Когда дождь все же прекратился и небо немного прояснилось, Кремнев тщательно осмотрелся. Так, на невооруженный глаз, ничего подозрительного словно бы и не заметно. Как все ящики, сложенные им, стояли под самолетом, так и теперь продолжают стоять. Вон его самодельная лодка под кривым деревом так и валяется, прикрытая сверху плотом. Видно, зря он страдал, мокнул и голодал, прячась здесь всю ночь. Никто так и не явился за ним.

– Что ж, возьму патронов, гранат, сколько унесу, лодку с плотом, и вперед! На север! Пора выбираться из этих мрачных дьявольских болот.

Глава 7

На пятый день утомительного путешествия по конголезской топи количество мелких озер стало существенно прибавляться, скорость передвижения упала вдвое. Приходилось пересекать вонючие лужи при помощи плота, что отнимало и силы, и, разумеется, время. Да и земля под ногами утратила былую твердь и стала мягкой, как пластилин, подолгу не отпуская из объятий стопы Кремнева.

В довершение ко всему ночные дожди приняли затяжной характер, стали гораздо длительнее, а сухое место для ночлега с каждым разом становилось все труднее и труднее отыскать. Со дня на день наступает сезон дождей, в Анголе он длится до января, а в этих местах, наверное, также. Лейтенант постановил рубить большой плот, причем прямо здесь, не сходя с места, и на нем плыть по разлившейся во все стороны воде точно на север. Не откладывая строительство плота в долгий ящик, Кремнев взялся выбирать подходящий материал.

К полудню следующего дня после изрядных мытарств его труды были по достоинству вознаграждены. Кремнев отрыл целую рощу прочных и очень легких деревьев, не тонущих в воде. Самое интересное, что они легко обрезались ножом, как пенопласт.

Целая неделя ушла на производство нового плавательного средства. Целую неделю он срезал, таскал, вязал лианами будущий плот и жилую кабинку для себя. Его тело ныло от колоссальных нагрузок, а пальцы рук мелко дрожали от постоянного физического напряжения. Но оно того стоило.

К началу сезона дождей перед Михаилом возвышался превосходный легкий и очень прочный плот с небольшим домиком посередине, сооруженным из того же подручного материала. Вместо матраса постелил душистой местной травы и застелил все звериными шкурами и подбил брезентом крышу. Также заготовил и приличный запас дикого мяса.

Лейтенанту подфартило: ухитрился убить сразу двух зазевавшихся средней упитанности бородавочников, что безнаказанно рылись в прибрежных зарослях недалеко от лагеря. Мясо животных распустил на тонкие куски, обжарил и пересыпал травой габа. У костра высушил шкуры и, соскоблив с изнанки мездру, сотворил из них лежанку. Теперь у него имеется и мягкий матрас, и теплое меховое одеяло. Были бы нитки с иглой, можно было сшить шкуры между собой, и получился бы спальный мешок. Но мешало «бы» и отсутствие скорняжного инвентаря.

Все готово к отплытию, тазик и маленький плот тоже решил взять с собой. Оставалось отыскать хороший камень, чтоб сгодился для якоря, и привязать его к длинной лиане.

Наконец последние приготовления закончены, плот загружен, якорь найден, можно отправляться в дальний путь.

И снова Кремневу сопутствовала небывалая удача. Последнюю ночь перед отплытием он заночевал на борту свежеспеченного судна. Разомлев под теплыми шкурами бородавочника, он и не засек, как подпитываемое затянувшимся дождем озеро вышло из берегов, подобралось к нему и приподняло над землей плот.

Утром Михаил не спеша отталкивался шестом от илистого дна, направляя свое «судно» вдоль берега. Его путь лежал на север, где, по его грубым подсчетам, и текла река Конго. Это единственная река в мире, что дважды пересекает экватор. Поэтому, держа курс точно на север, и к экватору рано или поздно выйдешь, а там и на нее наткнешься. Легко рассуждать в теории, но тяжело применять на практике.

Заметного подводного течения пока не ощущалось, «корабль» плыл в стоячей озерной воде, подгоняемый лишь переменчивым ветром и неизменным шестом. Насквозь промокший лейтенант продолжал напористо двигать плот вперед. Повезло, что ветер не носил ураганный характер и часто дул в спину, помогая толкать плот на север. Оставаясь весь день в мокрой

одежде на промозглом ветру, Кремнев здорово рисковал простудиться. Кое-какой запас сухой одежды имелся под рукой, но негде особо сушиться. Под крышей свитого на плоту гнездышка и оставалось незначительное пространство, недоступное ветру и дождю.

Хорошенько вымокнув и притомившись махать отяжелевшими руками, Михаил бросал «якорь», дополнительно «припиливая» плот к дну шестом, пропущенным сквозь щели в бревнах, и лез в домик перевести дух. Скидывал мокрую форму, переодевался в сухую одежду, а сырое белье развешивал под крышей для просушки. После нырял под мягкие шкуры и, вытянув уставшие конечности, с наслаждением предавался отдыху.

Прошло три долгих дня. Дождь усилился, вода стала «вскипать» и пузыриться – верный признак затянувшейся на долгие дни непогоды. Границы берега отодвинулись почти до самого горизонта. Теперь он со всех сторон стал надежно прикрыт сплошной водой, оставаясь один на один со стихией в центре построенного природой пресного моря.

Кремнев больше не пытался приставать к берегу, да и не угнаться за сушей. Вода семимильными шагами продвигалась по окрестностям, с каждым часом захватывая все новые и новые территории.

Переводчику надлежало строго придерживаться избранного им маршрута. «Погоня» за берегом ничего хорошего не сулила, вода разливалась вширь, и, теперь плывя по самой ее кромке, он непременно бы сбился с верного пути.

Интересно, но, затопив почти всю обитаемую сушу, глубина оставалась совсем незначительной. Пару раз Кремнев, поскользнувшись на мокрых бревнах, падал за борт, погружаясь в теплую, пахнущую тиной воду, и всякий раз удавалось ногами упереться в твердое дно, при этом голова непременно выступала наружу. Глубина практически повсеместно доходила ему по грудь.

В одном месте, где шест погружался под воду на глубину не более метра, Михаилу встретились бредущие параллельным курсом антилопы, с витыми рожками на красивых головках. Похоже, животные не успели вовремя убежать от дождя и теперь, где вплавь, где вброд, были вынуждены искать подходящее место, чтоб переждать обрушившуюся стихию. Грех было упустить такую возможность и не поохотиться на свежую дичь. Загнав в недра своей утонченной души ложное в данном случае понятие об эстетизме и гуманизме, Кремнев тремя меткими выстрелами добыл двух малых козочек.

Выбрал один возвышавшийся над водой островок, заросший деревьями и противными колючими кустами из числа тех, что в бесчисленном множестве стояли у него на пути. Освежевал добычу и изжарил на собранных сучьях свеженину. Правда, пришлось изрядно попотеть, чтоб под проливным дождем да на мокром клочке земли расчистить себе место да развести из сырых дров настоящий костер.

Но ничего, по вкусу жареная антилопа напоминала оленину, так что никаких пока проблем с питанием не возникало. Плохо то, что все имеющиеся в наличии у лейтенанта спички самым тривиальным образом отсырели. Еще там, в останках самолета, он отыскал почти полную упаковку специальных спичек, что горят и воде и на ветру. Но их покрытые серой головки разбухли и отказывались зажигаться обычным способом. А в зажигалке газ плескался на самом доньшке. Если не жировать, то костров на десять, максимум пятнадцать, и хватит.

За следующий день удалось, так грубо и навскидку, осилить каких-то километров семь-восемь, не больше. Нынче пришлось форсировать настолько отвратительный, наводненный сплошными корягами участок разлившегося вширь озера, что много сил и энергии пришлось потратить на одну борьбу с непредвиденными «минами», встречавшимися на каждом шагу. Лишь ближе к полуночи удалось достичь махонького островка, показавшегося Кремневу наиболее симпатичным и удобным для ночлега из всего бесчисленного количества своих собратьев, встреченных по пути. Тут и заночевал.

Ни свет ни заря Кремнев раскрыл глаза и в самом наипрекраснейшем расположении духа принялся готовиться к предстоящему плаванью. Традиционная бодрящая зарядка, ополаскивание затекшего организма теплой дождевой водой, плотный завтрак. Но с последним вышла заминка. Перекусить на дорожку не удалось, так как оставшееся мясо так гадко пахло из «тазика», где хранилось, укрытое широкими листьями какой-то местечковой пальмы, что аппетит моментально испарился. Неизвестно еще, во что вчерашний ужин выльется. Ишь ты, как бурлит в животе! Благо дамы на плоту не присутствуют, так что стесняться в данном случае некого.

Михаил, широко размахнувшись, зашвырнул протухшее мясо подальше за борт. Нарвал жесткой травы, росшей у самой воды, и принялся неистово отмывать от дюралевой лодки противный запах, который успел прочно вьестись в ее блестящие борта. Не успел Кремнев закончить чистку «тазика», как в той стороне, куда недавно был послан кусок испортившейся пищи, закипела вода и на поверхности замелькали темно-зеленые части крокодилов.

– Вот гады! Что за паршивые создания, никто друг другу не уступит! – выругался лейтенант. – Гляди, друг у дружки из пасти куски рвут! Тьфу! Бабахнуть по вам из автомата или гранаткой угостить?

«Бух! Р-р! Клац! Клац!» – не обращали на человека никакого внимания и продолжали драться между собой зубастые рептилии, щелкая ужасающими челюстями и демонстрируя огромные клыки.

– Эй, уродины зеленые, вам что, непонятно? А ну, кыш отсюда! – начал выходить из себя Кремнев, присоединяя к автомату полную обойму.

Не ясно, то ли крокодилы и вправду поняли слова лейтенанта, то ли их спугнул металлический лязг присоединяемого магазина с патронами, но, клацнув несколько раз зубами, хищники погрузились в воду, и на растревоженной водной глади наступила призываемая тишина.

– Так-то лучше, изверги зубастые! – удовлетворенно прикрикнул Михаил и, опустив АК, продолжил подготовку к отплытию.

Кремнев, обдирая ладони, проворно вскарабкался на росшую на острове пальму и всмотрелся в даль, там до самого горизонта обозначилась безграничная, сплошная стена, посеченная затянувшимся ливнем воды, и, куда ни глянь, никого и ничего нет!

Через пару километров отчаянной гребли Кремнев обратил внимание, что шест все глубже и глубже уходит под воду. Теперь, чтоб достать дно, приходилось опускать его едва не на всю шестиметровую длину, а местами и ее не хватало. Тогда он, как веслом, подгробал прочной палкой, пытаясь заставить плот двигаться как можно быстрее вперед.

Перспектива заночевать прямо на воде его явно не радовала, но, как ни бился лейтенант, прибавить в скорости не удавалось ни на йоту.

Ночь не заставила себя долго ждать, и к положенному часу стусилась тьма, усилился ливень, продолжать движение стало крайне опасно. Кремнев отдал якорь – веревка, держащая камень, показала глубину около десяти метров. Видимо, здесь в засушливую пору находилась низина, а теперь образовалась колоссальная котловина, заполненная грязной красноватой водой.

Смутная тревога поселилась в душе Кремнева, его не покидало ощущение, что именно сегодня что-то и должно произойти, нечто экстраординарное. Он в гордом одиночестве торчит на крохотном плоту, словно заурядная щепка, посреди разлившегося бескрайнего озера, лучше места для нападения и не придумаешь.

В животе предательски заурчало, и страшно захотелось есть, но, видимо, как раз сегодня судьба оказалась к нему не совсем благосклонной. На всякий случай приготовил запасные магазины к автомату и, удобно примостившись в домике на живот, головой к выходу, принялся внимательно всматриваться в зловещую, окружавшую со всех сторон темноту.

Неожиданно Михаил ощутил, что голова стала плохо соображать. Мысли стали растекаться в разные стороны. Он не мог сосредоточиться. Появился жар. Похоже, поднялась температура, и в конечностях обозначилась слабость. Руки-ноги плохо повиновались. Что это? Неужели он все же подхватил какую-то тропическую болезнь? Входных ворот для инфекции на его истерзанном теле было хоть отбавляй. Черт его знает, почему сделалось очень дурно.

Сверкала кривая молния, хлестал крупной дробью неумемный дождь, на мгновения поверхность озера озарялась яркими оранжевыми вспышками. Чу, что это блеснуло справа от лейтенанта? Показалось? Нет, что-то огромное и непонятное, серым блестящим мокрым пятном вздыбилось метрах в трехстах от плота. Новая вспышка, и опять никого! Лейтенант крепче сжал ослабевшими руками автомат и с трудом дослал патрон в патронник, здесь явно что-то не так!

Очередная, несколько затянувшаяся, серия тропических молний озарила на время невиданного ранее им зверя. У того была длинная, метров пять в высоту, мускулистая неподвижная шея, словно неотесанное буроватое бревно растет буквально из бурлящей от дождя воды. Сверху насажена вытянутая, овальной формы, немного приплюснутая с боков голова с яркими, фосфоресцирующими белыми щелевидными глазами. И эта страхолюдина вынырнула из темноты на расстоянии броска гранаты. Бог ты мой!

Неужто то самое загадочное мокеле-мбембе, как его зовут местные жители, или, по-другому, по-научному, сохранившийся чудом до наших времен неизвестный вид динозавра, о котором горячо спорят ученые всего мира? Кто бы он или оно ни был, а вид имеет далеко не ласковый.

Новая вспышка света выхватила это чудовище метрах в пяти от прибежища Михаила. Огромная, широко разинутая пасть сплошь усеяна острыми, сверкающими от ярких бликов акульными зубами, здоровущий красный язык угрожающе вибрирует, весь вид монстра говорит о том, что он приготовился незамедлительно слопать переводчика.

– На, сволочь! Врешь, не возьмешь! Получай, скотина! – благим матом заорал Кремнев, выпуская автоматную очередь, направляя ствол «Калашникова» точно в пасть чудовища.

В запарке переводчик и не разглядел, как пули, что от стенки горох, срикошетили от пасти динозавра и веером зацокали по воде, разлетаясь в разные стороны. Не теряя самообладания, Михаил отважно выпустил в чудовище последний патрон и, забыв на время про болезнь, проворно сменил магазин. Мокеле-мбембе беззвучно ушел под воду, оставляя за собой гигантские круги на поверхности. Новый раскат молнии обозначил, что бесстрашный лейтенант одержал победу в скоротечном бою.

– Ну что, не нравится, мерзкая тварь? – подбадривая себя, вслух грозно прокричал переводчик, обессиленно вытягивая ноги. – Давай, покажись, я тебя еще угощу! Отведай-ка порцию свинцовых пилюль!

Но дождь колотил в ответ мутными потоками изрыгаемой с неба воды.

До самого утра Кремнев не смыкал глаз, ожидая следующей атаки неизвестного чудовища, но, кроме изредка освещаемых молнией ливневых потоков и булькающих грязноватых пузырей на черной озерной поверхности, рассмотреть толком ничего не удалось. Под утро так с автоматом в руках и сморил его богатырский сон.

Утром Михаил вылез из шалаша и оглядел беспокойное озеро – все как обычно: дождь, дождь и дождь! Миражи в пустынях встречаются и то в виде зеленых, благословенных оазисов, а тут целый динозавр? Ладно, надо плыть на север, и нечего тут прохлаждаться. Так, а где же шест? Тут же валялся вчера вечером на самом видном месте. Кремнев перерыл вверх дном все небольшое пространство своего временного приюта. Да, собственно говоря, и перерывать-то особенно нечего, да и шест не иголка. Чтоб на таком маленьком плоту да затерялся!

Кроме шеста пропало и самодельное весло. Но это и вовсе из мира фантастики! Весло покоилось на дне мини-лодки и было надежно привязано лианами. Опять какая-то нечистая сила с ним шутки вздумала шутить!

Кремнев со злостью выдернул из шалаша пару жердин, вырезал из куска дюрала лопасть и в течение часа соорудил новое подобие весла. Плыть можно, правда, медленно, но ничего, как доберется до суши, раздобудет новый шест. Теперь главное – до этой мифической суши добраться.

Несмотря на все строгие коллизии судьбы, лейтенант сохранил плот и способность плыть дальше, а главное – чувство юмора. С пропажей весла и шеста потерял в скорости, но не в желании поскорее добраться до реки, оно, наоборот, заметно возросло. Эх, взмах веслом с правого борта, эх, с левого – неплохо получается орудовать новой черпалкой! Вскоре настроение значительно улучшилось, и Михаил, приноровившись к новому веслу, стал делать успехи в управлении плотом, насвистывая мотив песенки «Вместе весело шагать по просторам!».

Примерно через час вновь поднялась температура, дико заболела голова и навалилась сильнейшая слабость на его натруженные члены. Что-то сейчас будет? И точно! Бух! Бах! Неожиданно метрах в десяти от него вода вдруг с шумом забурлила, и на поверхность вынырнула вчерашняя отвратительная приплюснуто-овальная рожа на длинной, неуклюжей темно-бурой шее, покрытой мерзкими крупными наростами.

Реакция у лейтенанта, несмотря на приступ болезни, оказалась, как всегда, на высоте, голова монстра еще разворачивалась в его сторону, горя белым огнем, как он открыл прицельный огонь по чудовищу. Пули с противным чмоканьем отскакивали от динозавра, орошая все водное пространство вокруг плота множеством маленьких фонтанчиков. Еще не осознавая, что происходит, Кремнев автоматически заменил опустевшую обойму, но выстрелить не успел. Михаил вообще больше ничего не смог поделать.

Из расширившихся глазных щелей мокеле-мбембе вырвался густой пучок зеленоватого цвета, озарившего онемевшего переводчика с ног до головы. Советский лейтенант медленно осел на мокрый плот, как подкошенный куст, и почти мгновенно лишился сознания.

Если б разум так стремительно не покинул Кремнева и не утратил способность воспринимать окружающую действительность такой, какая она есть, то Михаил оказался бы в весьма щекотливом положении. А как иначе назвать то, что произошло вслед за этим?

Динозавр грузно всплыл на поверхность, обнажив здоровенное, пятнадцатиметровое, зауженное к концу туловище цвета заплесневелого огурца с крупными, в кулак, пупырышками, хвост которого остался в воде. Справа по корпусу наружу распахнулась небольшая прямоугольная дверь, через нее выдвинулась длинная тусклая лестница. Двое низкорослых незнакомцев в серебристых костюмах и таких же шлемах ловко подхватили Михаила под руки и перенесли вовнутрь. После один вернулся, быстро собрал вещички переводчика и вбежал в корабль. Лестница втянулась обратно в недра конструкции, входная дверь беззвучно захлопнулась, встав на свое место, и невиданное чудовище довольно мягко для такой махины погрузилось под воду, унося в своем чреве беспомощного Мишу Кремнева.

Часть вторая

Глава 1

Михаил проснулся давным-давно. Не открывая глаз, он сразу определил, что руки и ноги не связаны, лежит на чем-то пластичном, возможно и на мягкой постели, а рядом кто-то находится. Голова больше не болела, жар отсутствовал, мышцы в тонусе и без труда повинуются своему хозяину. Видимо, внезапный приступ нежданно-негаданно навалившейся болезни как-то связан с его похищением. Захотелось понаблюдать, как поведут себя его похитители, и не стал раньше времени выдавать свой приход в сознание.

– Месье Кремнев! – послышался совсем близко чей-то индифферентный голос. – Или вы предпочитаете, чтоб вас именовали «товарищ»? А, товарищ Кремнев, как вы себя чувствуете?

«Ничего, потяну резину до последнего», – рассудил Михаил и не стал раскрывать напряженные веки.

– Ну, право слово, глупо! Мы же прекрасно знаем, что вы очнулись! – продолжал гнуть свое неизвестный.

«Смотри-ка, на чистом русском языке чешет! И даже знает, как меня звать, странно. Хотя чего тут странного, наверняка он из тех, кто все это время наблюдал за мной, – пронеслось у лейтенанта в голове. – А, все равно не открою глаза, будь что будет, что это он ко мне «месье» обратился? Не открою глаза, и баста!

– Вы как ребенок, Михаил, все ваши показатели отражены на дисплее, а они изобличают, что вы давно в сознании и все, что вас окружает, воспринимаете должным образом. Ваша дезинтоксикация прошла успешно. Мы вас избавили от навалившихся болезней. Поэтому, право слово, глупо так себя вести, как дитё неразумное! У нас сложилось о вас самое превосходное мнение, не стоит портить общую картину.

«А вот выкуси! Сплю я! Сладко сплю, чего привязался!» – про себя упрямо проговорил переводчик.

– Ну, сами напросились, сударь, теперь не обессудьте! – не меняя тона, предупредил голос, и в ту же самую секунду Кремнев ощутил, как что-то очень острое вонзилось ему в правую ягодицу.

– Ай! Ой, что это?! – подпрыгнул вверх Михаил, яростно растирая уязвленную область чуть ниже спины. – Что это такое? Ай, как щиплет-то!

– По-вашему будет именоваться током! Или, проще говоря, электрический разряд, и всего-то! – улыбнулся невысокий парень, с незапоминающейся внешностью, голубыми глазами, одетый в серебристый, обтягивающий ладную фигуру комбинезон.

– Ток! Брр! Однако не очень-то и приятно! – недовольно пробурчал Кремнев, с плохо скрываемым любопытством оглядывая помещение, где он пришел в себя.

Небольшая, метра три на четыре, комната с закругленными углами и с высоким выпуклым потолком. Ламп освещения и окон не наблюдается, но повсюду царит достаточно яркий свет, происхождение которого не понятно. Все стены, пол, потолок покрыты белым блестящим материалом, напоминающим издали мягкий линолеум. Из мебели одна полутораспальная невысокая кровать из красноватого твердого вещества, гладкого на ощупь, упругий толстый матрас и слегка твердая маленькая подушка. На ней Кремнев и возлежал в каком-то причудливом сиреневом балахоне, отдаленно напоминавшем пижаму без пуговиц. Не понятно, как ее умудрились на него напялить, если прорезь настолько туго обтягивает шею.

– Что-то не так? – продолжая улыбаться, поинтересовался серебристый.

– А как пижама на меня попала? Она как-нибудь расстегивается?

– Проведите спереди левой ладонью сверху вниз, и все! Я сказал «левой», будьте внимательнее, товарищ Миша! – не меняя выражения лица, повторил парень, увидав, что Кремнев провел ПРАВОЙ рукой вдоль костюма.

– А я что-то перепутал! – Михаил исправил оплошность. – Оп-па! Сработало! А как теперь закрыть?

– Вот теперь проведите ладонью, но снизу вверх и правой рукой.

– Класс! Ой, как здорово! Никогда раньше ничего подобного не видел! – обрадовался лейтенант, когда провел правой ладонью по пижаме, и она застегнулась, не оставляя и намека на шов. – Сила! Оп-па! – принялся дурачиться переводчик, открывая-закрывая одежду.

– Наигрались?

– Нет еще! Прикинь, как здоровски! Я первый раз такое чудо встречаю! А как это работает?

– Ну, это только начало! Вам еще многому придется удивляться, пока вы ко всему привыкнете. А как работает, долго объяснять, лучше принимайте все как есть, товарищ Кремнев.

– Что ты так официально? – широко улыбнулся Михаил.

– Ну, пока мы с вами общаемся на официальном уровне!

– Да брось ты эти условности!

– Н-да-а, мы предполагали, что перед нами не совсем простой человек, но не рассчитывали, что настолько! И все же давайте пока на «вы»!

– А что-то не так? – продолжал веселиться лейтенант и вдруг резко осекся, увидев, что все это время низкорослый беседовал с ним, не открывая рта. Он как вытянул тонкие губы в дежурной улыбке, так и ни разу их и не разомкнул. – Я что-то не то делаю? – растерянно повторил свой вопрос переводчик.

– Что, вы смутились? Продолжайте радоваться! Это весьма любопытное зрелище, доложу я вам!

– А чего продолжать? Играть с пижамой? – еще больше стал теряться Кремнев, глядя, как серебристый продолжает говорить с ним абсолютно неподвижным ртом.

– Вы нас окончательно сразили, можно сказать, прямо наповал! Bravo, товарищ Кремнев!

– Да чем это я вас сразил? Вы можете яснее выразиться?

– Вы себя так ведете, как будто всю жизнь провели здесь или, по крайней мере, вас через день увозили в чреве доисторического ящера! Вас ничуть не смутила та обстановка, в которой вы сейчас оказались! Я, в конце концов, вас тоже не смущаю! Вы так это лихо запанибрата предложили перейти на «ты»!

– Ах, вы вон о чем! Так слушайте, я давно заранее морально готов к нашей с вами встрече!

– Вы заранее готовы к нашей встрече? – не переставая улыбаться, переспросил незнакомец.

– Конечно! Это же очевидно с того самого дня, когда я узнал про зомби и твале! Я знал, что за всем этим кто-то стоит! Кто-то же направляет этих тварей! Теперь я перед вами! Кстати, мы так и не познакомились. Точнее, вы знаете про меня все, а я даже не ведаю вашего имени-отчества.

– Зовите меня просто Витольд, у нас принято без отчества.

– Как угодно, Витольд. Это ваше настоящее имя?

– Не совсем.

– А как совсем?

– Боюсь, мое истинное имя вам будет не совсем легко запомнить.

– Даже так? Не забывайте, Витольд, я все же как-никак профессиональный переводчик, и у меня отличная слуховая и зрительная память.

– Да, это так, но вы физически не сможете произнести те звуки, которые присутствуют в моем имени и имеются в моем родном языке. В их формировании, помимо голосовых свя-

зок, принимают участие и те анатомические образования, которыми вы, люди Земли, увы, не наделены.

– Точно! – хлопнул себя по колену Кремнев. – Как же я сразу не догадался! Вы самый что ни на есть инопланетянин?

– Верно! Вы зовете нас так. Я появился на свет не на этой планете, которую вы зовете Землей.

– Мама, я сплю! Ущипните меня! Это сон! Я попал в лапы к самым настоящим инопланетянам!

– Ну, щипать не стоит, может, свежая порция тока в вашу филейную часть взбодрит вас? – подмигнул Кремневу Витольд.

– О, Витольд, я премного благодарен, но не током! Все, я осознал – это не сон! – решил подыграть ему Михаил.

– Ну и славненько! Как у вас на родине говорят, сначала гостя надо накормить, напоить, а уж потом расспросить? Правильно?

– Совершенно верно! А я разве у вас в гостях, не в плену?

– Ну какой плен, о чем вы? Считайте, что в гостях, а мы весьма радушная нация! Так как насчет перекусить?

– Я с превеликим удовольствием! Если вы наблюдали за моими мытарствами, то, стало быть, в курсе, что почти около двух суток маковой росинки во рту не держал.

– Трех суток! – поправил Витольд. – Вы у нас почти сутки гостите. Пока пришлось вас адаптировать к нашим условиям и вывести из вашего организма те вирусы и микробы, что нахватили за время нахождения в далеко не стерильных джунглях.

– Да? Получается, что я и в самом деле подцепил какую-то местечковую болезнь?

– Не просто болезнь, а целый букет! Без нашей помощи вы вряд ли протянули бы еще пару суток!

– Странно, столько тянул...

– Вы заразились давно, – бесцеремонно перебил его Витольд, – с тех самых пор, когда ваш самолет, вернее, его обломки вместе с вами угодили в Ликвальское болото. Все эти многочисленные царапины и укусы тропических насекомых не прошли для вас бесследно.

– Да, но я же принимал доксоциклин!

– Антибиотик лишь отдалил развязку: затянул инкубационный период.

– Что-то вы подозрительно много знаете про меня! Может, тогда подскажите, кто сбил наш самолет?

– Все вопросы потом, – не меняя выражения лица, ответил инопланетянин. – Вы готовы к приему пищи?

– Что за вопрос, Витольд? Конечно, готов, человек целых трое суток ничего не ел!

Витольд сложил пальцы левой руки в фигуру, издав издав напоминаящую наш кукиш, и тут же с потолка, как по мановению волшебной палочки, опустились неизвестно откуда взявшиеся стол и стул. Далее инопланетянин высунул из кукиша подальше вперед первый палец, и прямо из стола выдвинулись столовые приборы. Посуда оказалась обыкновенной, земного происхождения, чего не скажешь о стуле и столе. Они оказались изготовленными из того же розоватого материала, что и кровать.

Михаил ловким движением подцепил пальцами стул и подивился, как легко он приподнялся над полом, словно невесомая пушинка, а на вид довольно массивен и достаточно крепок.

– Не переживайте, стул выполнен из акрония, он очень легкий, но вполне надежен! – прокомментировал Витольд, уловив недоумение лейтенанта при изучении мебели.

– Акроний? Это что, ваш металл?

– Ну почему сразу наш, он скорее ваш, мы его добываем в недрах Земли.

– Но я никогда не слышал о таком металле, – еще больше удивился переводчик. – Легкий, прочный, и какой-то он розовый.

– Это с примесью гнала. Гнал – тоже ваш земной металл, и в сочетании с акронием он и дает такой розоватый оттенок.

– Гнал? Тоже не слышал, а как он у нас называется?

– Да пока никак! Вы, земляне, его пока еще не открыли, поэтому неизвестно, как вы их станете именовать, когда обнаружите. На нашем наречии они звучат приблизительно так. Гнал и акроний залегают на глубине двести – двести пятьдесят километров от поверхности Земли, ваши сегодняшние технологии еще, мягко говоря, слабы и не позволяют людям вести добычу полезных ископаемых на таком удалении. Вы довольствуетесь весьма малым спектром полезных ископаемых, чем богата эта планета.

– И много там, – Кремнев указал глазами в пол, – под землей этого акрония и гнала и остальных полезных ископаемых, что еще не открыты?

– Да немерено! Земля на десять процентов состоит из этих металлов, кроме того, куча еще всяких веществ, что вам пока незнакомы. Я, честно сказать, в этом малосведущ – так, в общих чертах в школе проходил. Мы тут по другой части. Предвидя ваш вопрос, оброну знакомую фразу: все узнаете в свое время. Вы зря в пол глазами показываете, так как мы с вами как раз под землей и находимся.

– Под землей? – вскинул кверху брови Михаил. – И как глубоко?

– По вашей метрической системе на глубине десяти километров, практически на поверхности.

– На поверхности? По-вашему, глубина десять километров – это мало?

– А это смотря с чем сравнивать. Мы ведем добычу полезных ископаемых из самого ядра планеты, а разветвленная сеть разного рода наших коммуникаций пронизывает всю толщу Земли. Но мы отвлеклись, вы хотели кушать или передумали? – прервал его расспрос инопланетянин.

– Хорошо, хорошо, я с удовольствием отобедаю, просто все так необычно и интересно! А как же воздух сюда попадает? Через вентиляционные шахты?

– Михаил, вы становитесь невыносимым, снова вопросы! Давайте отобедаем, а затем займемся делами. Что бы вы желали на обед?

– Простите, но любопытство просто так и прет из меня.

– Я вас понимаю, но держите себя в руках! Что желаете на обед? – повторил Витольд.

– Ну, я не знаю, а что у вас есть? Что бы вы мне посоветовали?

– Вы, наверное, ожидаете увидеть что-то экзотичное и необычное?

– Ну нет! Что вы будете кушать, то и я, или инопланетяне предпочитают какую-то особенную пищу?

– Отнюдь! Мы употребляем то же, что и вы. Как вы относитесь к грибному супу и котлетам?

– Положительно, а что на гарнир?

– Могу предложить гречу, макароны, да все, что угодно! Любое заказанное вами блюдо в течение получаса доставят сюда из любой точки мира.

– Вот как у вас все замечательно отлажено! Здорово! – похвалил Михаил. – Но я человек неприхотливый, мне салат оливье, это возможно?

– Товарищ Миша, я же вам сказал: все, что угодно! Хотите утку по-пекински из самого Пекина или барбекю из мраморного мяса из лучших ресторанов Токио?

– Нет, нет, – замахал руками переводчик, – салат оливье, тарелку грибного супа и побольше свиных котлет с толченым картофелем, подливой и большую кружку холодного молока.

– Какого молока? – уточнил Витольд.

– Что значит «какого»? У вас что, несколько видов?
– Разумеется, мой юный друг, любое вплоть до китового!
– Ну, китовое попробуем в другой раз, а сейчас мне, пожалуйста, коровьего, обычного коровьего молока три и два процента жирности.
– Заказ принят, а из спиртного что вам доставить?
– Ничего, я это дело не поощряю.
– Ну, русский солдат и не усугубляет?
– А представьте, нет! А вы усугубляете? – передразнивая Витольда, дерзко уточнил Кремнев.

– Я тоже не употребляю, – как ни в чем не бывало спокойно ответил инопланетянин. – Да и для здоровья это вредно!

Через полчаса Витольд и Михаил уплетали за обе щеки заказанный обед. Инопланетянин оказался компанейским парнем, заказал то же самое и теперь помогал лейтенанту поглощать еду.

– Послушайте, Витольд, а как это у вас так ловко получается манипулировать тут всем?
– О чем вы? – пережевывая котлету, спросил инопланетянин.
– Ну, вот пальцами какие-то пассы поделали, и тут появился дополнительный стул, еда и все остальное. Не скажете же, что это белая магия, а вы – добрый волшебник?

– Не скажу! Я такой же живой субъект, как и вы, из плоти и крови и не верю в разного рода небылицы, как у вас говорят – я до корня волос ярый материалист. Правда, состав крови у нас несколько отличается от вашей, да и цивилизация наша на много лет опережает вашу по развитию.

– На много? На сколько? – переспросил Михаил, перестав хлебать теплый грибной суп, сдобренный свежей сметаной, из высокой фарфоровой тарелки. – Но если возможно, то просветите меня, как все происходит тогда на самом деле, если вы действительно не волшебник.

– Всему свое время, кушайте, налегайте на первое, суп остывает.

– Ну, в двух словах, приблизьте, пожалуйста, меня к вашей тайне.

– Михаил, право слово, тут нет никакой тайны! Это все плоды технического прогресса нашей цивилизации. Многие вещи вам еще не известны, и тратить впустую время на детали не будем. А в двух словах, у меня на пальцах нанесены специальным составом невидимые глазу излучатели, в окружающие нас предметы и стены вмонтированы особые рецепторы, которые реагируют на специальные команды. Проще говоря, на руках у меня помещен специальный пульт управления.

– А, понимаю, у вас на каждом покрове имеется пульт управления всеми вмонтированными приборами, без проводов.

– В общем, верное представление, проводами мы почти не пользуемся. Вы кушайте, кушайте! Не стесняйтесь! Может, подогреть? – поинтересовался серебристый.

– Нет, спасибо! – чуть улыбнувшись, поблагодарил Кремнев, налегая на очередную котлету. – Все замечательно и очень вкусно! Я, честно признаться, не люблю сильно горячую пищу! А как вы величаете свою планету? Откуда вы прибыли?

– Мы прибыли с планеты Бара, созвездия Ркс, по-вашему, это где-то в туманности Андромеды.

– А вашу планету и созвездие как наши ученые на Земле именуют?

– Да пока никак, вы ее еще не открыли, и туманность Андромеды тоже условно обозначили, так как от нее еще значительно вектрально лететь надо.

– Чего еще?

– Вектрально, ну, по-вашему, еще дальше будет.

– И какое расстояние до вашей планеты Бара, если это не военная тайна?

– Вы, товарищ Миша, чересчур много вопросов задаете! – Витольд прекратил жевать и как-то нехорошо посмотрел на Кремнева.

– Ой, извините! – покраснел Михаил. – Я не желал вас обидеть, так с языка слетело! Знаете, я с детства очень любопытный!

– Я заметил!

– Больше не повторится! Разрешите, пожалуйста, всего один уточняющий вопрос?

– Один!

– Вы только что высказывали мысль, что достигли высоких технологий. Выходит, вы обуздали сверхсветовую скорость? Иначе как можно преодолеть такое гигантское расстояние? Получается, вы вводите астронавтов в состояние анабиоза, когда бороздите просторы Вселенной? А на подлете к цели они сами просыпаются?

– Это не один вопрос, а целых четыре. Но я вам, так и быть, отвечу! Не надо превышать никакую скорость, и никого не надо усыплять, мы же не медведи, впадающие в спячку. Как у вас говорят, это каменный век! Все эти высокие скорости в межгалактическом пространстве так же бесполезны! На планете – пожалуйста, а в космосе все по-другому происходит.

– То есть вы хотите сказать, что у вас нет ни звездолетов, ни ракет, способных доставить вас с одной планеты на другую? А как же вы в таком случае попали сюда? Как же вы добрались до Земли?

– Ой, сколько вопросов! Вы не умеете держать себя в руках!

– Простите, бога ради! Правда, безумно интересно, как же вы перемещаетесь на такое умопомрачительное расстояние?

– Да очень просто! – покачал головой Витольд, давая понять, что Кремнев перегибает. – Мы научились искривлять пространство и время!

– ???

– Вы что так уставились на меня? Да, да, товарищ Миша, все гениальное просто! Я в течение ваших десяти земных минут могу очутиться у себя дома, на планете Бара! Если вы поели и больше ничего не желаете, я вас оставлю отдыхать, а после продолжим. Будете еще чего заказывать?

– Нет, огромное спасибо! Я сыт, – замялся Кремнев, – а где тут у вас, извините, туалет?

– Ну, конечно! – хлопнул себя по лбу шестипалой рукой Витольд. – Извините, товарищ Миша, я должен вам был в самом начале нашего общения все показать. – Серебристый извлек откуда-то маленький плоский предмет с разноцветными кнопками и передал его Кремневу. – Вот пульт, адаптированный специально под вас. Тут на кнопках изображены предметы, которые вам пригодятся.

– А, вижу, – стал с интересом разглядывать пульт Михаил, – вот на кнопке телевизор изображен, нажимаю, и появится телик, а где душ нарисован, там, получается, ванная комната?

– Совершенно точно! Там, где душ, там же и туалет расположен, совмещенный санузел. Нажимаете на красную с белой точкой кнопку, и появляется проход в нужное вам помещение.

– А куда и в какую сторону направлять и какие еще помещения он открывает?

– Без особой разницы, сигнал найдет дорогу сам, дайте покажу! – Витольд нажал пальцем с синим ногтем на кнопку с изображением душа, и тут же справа от кровати бесшумно отодвинулся в сторону участок стены, открыв соседнюю комнату. – Но кнопка открывает пока санузел, остальные комнаты вам ни к чему, временно. Прощу! – Бариец широким жестом пригласил Кремнева вовнутрь.

Лейтенант решительно шагнул в соседнюю комнату и обомлел: типичный гостиничный стандартный набор. Тут тебе и покрытая голубым кафелем приличная ванная, и зеленоватый фаянсовый унитаз, и зеркало во весь рост с боковой полочкой, где аккуратно лежат новая зубная щетка, болгарская зубная паста «Поморин», безопасная бритва и пачка лезвий «Ленин-

град» в придачу, помазок из мягкого волоса некоего зверя, крем для и после бритья, причем привычного советского производства «Спутник», одеколон «Консул», апельсиновый шампунь, настоящая мочалка из средиземноморской губки, и рядом висят два огромных махровых полотенца оранжевого же цвета.

– Одно для ног, другое для рук, – пояснил сопровождавший его Витольд, указав шестипалой кистью на полотенца. – Вот тут встроенный шкафчик, там внутри запас нижнего белья, точно ваш размер. Ладно, располагайтесь, не буду вам мешать, пульт оставляю. Если понадобится, там, где на кнопке нарисован телефон, нажмете, это связь со мной. Захотите кушать, нажмите туда, где перекрещенные ложка и вилка, дверь в ванну закрывается нажатием той же кнопки. Надеюсь, во всем разберетесь?

– Спасибо, Витольд, безусловно, разберусь! Не маленький! – горячо поблагодарил Михаил своего провожатого.

– Тогда спокойной ночи, до завтра! – откланялся бариец и, одарив переводчика дежурной улыбкой, не оборачиваясь, вышел из ванной.

Глава 2

Оставшись наедине, Кремнев стал пристально рассматривать себя в зеркало. На него с любопытством глядел изможденный, заросший густой русой бородой, совершенно чужой человек с воспаленными красными глазами. Всклоченные пряди давно не стриженных волос грязными паклями ниспадали на прочеркнутый наметившимися морщинами лоб. Присмотревшись, лейтенант с интересом узрел несколько появившихся седых волос в бороде и на висках. Выходит, кошмарное многодневное таскание по Ликвальскому болоту не прошло для него даром.

Проведя рукой по топорщащейся в разные стороны колючей, жестковатой бороде, переводчик быстро выдавил из тюбика порцию ароматного крема для бритья и, медленно взбив помазком густую пену, с наслаждением нанес ее на заросшие жестким волосом щеки. Через полчаса, загубив пару ленинградских лезвий и резанув в нескольких местах кожу, лишился буйной растительности.

После изрядного скобления из зеркала глядела знакомая физиономия, хотя и довольно исхудавшая и осунувшаяся. Под кожей не осталось ни грамма лишнего жира, одни сплетенные в прочные узлы, натруженные мышцы толстыми змеями перекатывались под грязной оболочкой, покрытой бесчисленным количеством розовых шрамов, заработанных при падении в самолете и хождении по топи.

Включив душ, он с удовольствием залез под горячую струю. Вода черным селевым потоком стекала в ванну. Казалось, что переводчик не мылся с самого рождения, прохоронив до сей поры неумытым грязнулей. Помывшись, Михаил набрал полную ванну горячей воды и погрузился в тонирующую жидкость. Вытянув на дне ванны уставшие ноги и мечтательно зажмурив глаза, лейтенант незаметно для себя уснул.

Очнулся Кремнев от холода: вода в ванне совсем остыла, и тепло из распаренного тела понемногу улетучилось, удостоив замаявшегося путешественника гусиной кожей. Странное дело, подумал Михаил, открыв глаза, лампочек снова нигде не заметно, а свет стал гораздо слабее, перейдя в располагающий ко сну полумрак. Встав в полный рост и сделав несколько взмахов руками, разогревая покрывшиеся пупырышками части тела, переводчик подметил, что освещение стало намного ярче, но источник по-прежнему оставался вне досягаемости. Возможно, за ним ведется скрытное наблюдение? Да и черт с ними! Михаилу скрывать нечего, смотрите, вот он я! Хотел показать язык, но вовремя одернул себя от такого ребячества, и так себя показал полным дураком, когда с пижамой игрался.

Переодевшись в новое белье, Кремнев нажатием кнопки на пульте открыл ванную комнату и вошел в спальню. На кровати оказалось свежее хлопчатобумажное постельное белье, рядом стояли домашние пушистые шлепанцы без задников. Дышалось легко и свободно, и не скажешь, что находишься на глубине десяти километров под землей. Лейтенант тщательно все обследовал, но не обнаружил и намека на вентиляцию или что-то в этом роде. Натянув пижаму, завалился на кровать и, отыскав кнопку с изображением телевизора, надавил на нее указательным пальцем.

Точно напротив кровати, на высоте его глаз, раздвинулся участок стены, и из нее плавно и бесшумно выдвинулся большой телевизор с плоским серебристым экраном. На небольшой полочке снизу лежал еще один пульт, но меньшего размера. Вся гладкая поверхность телевизионного пульта была усеяна маленькими кнопками с цифрами от 0 до 100. Он нажал наугад на № 3, телевизор беззвучно включился, и на экране загорелся первый канал Советского Союза.

Отыскав глазами кнопку со знаком «плюс», прибавил звук и за долгие дни впервые услышал настоящую русскую речь живого соотечественника. Как раз транслировали программу «Время», а в ней серьезная девушка с умным лицом деловито сообщала, какие катаклизмы

бушуют на планете. Как выяснилось, пока он тут бороздил просторы Ликвальского болота, там, в его стране, наметился откровенный развал. В открытую не сообщали, но чувствовалось, что Страну Советов прилично лихорадит. Назревает революционный процесс, как осенью 1917 года.

После новостей стали передавать культовый фильм «Белое солнце пустыни». Почти сразу после просмотра фильма Кремнев отошел ко сну.

– Доброе утро, товарищ Михаил, – разбудил переводчика чей-то металлический голос, – пора вставать!

– Доброе утро! – ответил Кремнев, производя потягушки. – А вы кто? – уставился он на среднего роста худощавого человека в серебристом костюме, как у Витольда, но лицом постарше лет на десять и с более жестким взглядом.

– Зовите меня Мом, – тихим, лишенным эмоций голосом сообщил незнакомец, оставаясь стоять в полутора метрах от Михаила почти посередине комнаты, поэтому, откуда он взялся, было непонятно.

– А где Витольд? Его сегодня не будет? – позевывая, поинтересовался лейтенант.

– Витольд подойти не сможет, занят другими делами. Меня прикрепили к вам вместо него. Вам сейчас надлежит привести себя в порядок, и через полтора часа мы должны прибыть в центральный офис, вас там ждут, – четко, по-военному отрапортовал Мом, оставаясь неподвижно стоять на своем месте. Тонкие щелочки бледно-розовых губ ни разу не шелохнулись при разговоре, похоже, и этот тип изъяснялся, не открывая рта. – Транспортолет нас ожидает.

– Транспортолет? А что это?

– Это такое индивидуальное средство передвижения. Я – его пилот. На нем передвигаемся в пространстве на не очень длинные расстояния, в том числе и под землей. На нашем языке оно, правда, звучит по-другому. Однако вам впредь лучше применять термин «транспортолет».

При этих словах у Михаила сперло дыхание. Транспортолет! Вот что ему сейчас нужно! Раз он летает, судя по названию, под землей, значит, должен летать и над ней! Сердце забилося сильнее. Главное – не выдать себя раньше времени. С этим Момом он справится, в этом можно не сомневаться, но надо, чтобы больше никто еще не подошел. А пока лучше усыпить его бдительность разговорами.

– Мом, а сколько сейчас времени? – Лейтенант задал первый пришедший ему на ум вопрос, стараясь выглядеть при этом как можно безмятежнее.

– Вас какое время интересует, товарищ Михаил?

– Земное, разумеется, не ваше же барайское. Или вы барайское время применяете?

– Мы живем, пока находимся на этой планете, по вашему времени, но и про свое не забываем, – слегка добродушно ухмыльнулся инопланетянин.

Кремнев отметил, что в момент разговора губы у него не шевелились, но слова довольно четко и достаточно громко звучали в тишине, причем на отличном русском языке, и исходили от головы.

– Я догадался, что вы придерживаетесь земного времени, но у нас на Земле ворох часовых поясов! Над нами сейчас что расположено? Африка?

– Африка, – уточнил серебристый, – но мы придерживаемся Гринвича и того времени, где работаем в данный момент. Сейчас над нами девять часов утра местного времени. Мы под Заиром.

– Я так и предполагал, – согласно кивнул Михаил и подумал: Заир – это хорошо. Интересно, на чем этот транспортолет работает? Хватит топлива до Анголы долететь?

– Как же вы могли предполагать, если у вас нет с собой часов? – подступил к нему Мом.

– У меня биологические часы точно работают! – Кремнев указал на себя пальцем. – Хоть механические и посеял где-то. Привык, знаете ли, всегда рано вставать, а биологические часы не обманешь.

– Похвально, тогда приводите себя в порядок, позже я вам принесу настоящие часы, ваши испортились. Вам заказать завтрак?

– Да, если вас не затруднит. А что значит «испортились»?

– Значит, у вас нет часов. Но не переживайте, вы получите другие, гораздо лучшие, чем были у вас!

– Да, понимаю, лучше! А туда вмонтируете какой-нибудь ловкий приборчик, изготовленный по ультрасовременным технологиям, и станете за мной следить день и ночь, не делая скидку на отправление естественных надобностей, так, Мом?

– Товарищ Михаил, вставляйте и приводите себя в порядок! – напомнил новый знакомый, не обращая внимания на последние довольно едкие слова Кремнева.

– Мом, а вас не затруднит организовать завтрак, пока я буду совершать утренний туалет? – бодро поинтересовался переводчик, осознав, что за него тут все решено и трепыхаться бессмысленно. Не надо, чтобы этот серебристый чего-то заподозрил раньше времени. Нужно как следует заговорить инопланетянину зубы.

– Разумеется, не затруднит, нам близко гостеприимство! Что вы желаете на завтрак?

– А что вы посоветуете? Или хотя стойте, а можно заказать яичницу из пяти куриных яиц с ветчиной, кофе со сливками и стакан апельсинового сока, холодного?

– Идите умываться, все будет готово к вашему приходу, – еле раздвигая губы, улыбнулся Мом, обнажив ослепительно-белые, ровные зубы.

– Дружище, ну раз у вас все возможно, то я бы хотел, чтоб яйца были домашние, с ядовито-желтым желтком! – хитро подмигнул инопланетянину лейтенант.

– Без проблем! – еще шире улыбнулся серебристый.

За завтраком Кремнев включил телевизор на третий канал, снова угодил на московские новости. Тревожные сообщения летели с экрана, наполняя комнату угрожающей информацией – Союз, судя по всему, трещал по швам. Толпы митингующих людей во всех союзных республиках с перекошенными лицами требовали какой-то свободы.

Особо бесновались прибалты. В Таллине, Вильнюсе и Риге манифестанты рвали новенькие советские красные стяги, похоже специально купленные для этой акции. А в двух местах довольно ретивые националисты облили их бензином, и куски красной материи, вспыхнув ярким пламенем, унеслись в небо черным дымом. Люди скандировали что-то, потрясая вверх кулаками, но из-за создавшегося мощного гвалта слова сливались в единый ор. Тем не менее смысл был понятен: Советы на кол!

– Какой такой свободы они хотят? – мрачно вслух произнес Кремнев, отправляя в рот последний кусок яичницы. – Чего людям не живется нормально?

– Это естественный политический процесс! – негромко произнес Мом, появившийся незаметно из-за спины. – Ваша огромная страна агонизирует! Скоро Советский Союз перестанет существовать как государство.

– Как это агонизирует? – переспросил переводчик, едва не подавившись куском завтрака. – Вы хотите сказать, что у нас опять будет революция и в дальнейшем вспыхнет братоубийственная гражданская война?

– Второй гражданской войны мы не допустим, а вот что касается Советского Союза, то это государство сходит с политических подмостков. Увы, советская власть оказалась недолговечной.

– А что будет вместо СССР, позвольте узнать?

– Будут независимые государства, каждая республика бывшего Союза станет самостоятельной. Да вы так не переживайте, Россия останется, мы не дадим ей кануть в Лету.

- Вы? Так за всем этим стоите вы, инопланетяне?
- Молодой человек, не кипятитесь, всему свое время. Скоро вы сами все узнаете. Для этого мы вас сюда и пригласили.
- Я слышу, сколько здесь нахожусь: всему свое время, подождите, все скоро сами узнаете! Теперь, оказывается, вы меня не похитили, а пригласили!
- Да, а что, не похоже? Или вы ожидали, что вам пришлют нарядную открытку и пошлют за вами дорогое авто?
- Нет, на авто я не рассчитывал, а насчет открытки не знаю, а почему бы и нет?
- А-а, вы рассчитывали на официальное наше приглашение к себе в гости?
- Ну, в общем, да! Я ожидал встречи с вами, знал, что рано или поздно мы встретимся, но как-то по-другому. Не чаял, что все произойдет так, как произошло. Не так, разумеется, торжественно... – Кремнев замаялся, подыскивая нужные слова, которые бы не задели самолюбие пришельца.
- Но не таким варварским способом! – пришел ему на помощь Мом. – Вы это же имели в виду?
- Нет, я не то хотел сказать, – начал было оправдываться лейтенант.
- Да бросьте, юноша! – махнул шестипалой рукой инопланетянин. – Мы вас похитили, предварительно подвергнув проверке, своеобразному тесту. Надо называть вещи своими именами, и не надо стесняться. Да, мы вас бесцеремонно украли! Это и будет правдой!
- Ну, как-то так... – нерешительно начал Михаил. – Но зачем вы меня украли? Зачем я вам нужен?
- Боюсь показаться надоедливым, но...
- Но всему свое время! Вы это хотели произнести, не так ли, товарищ Мом? Или господин Мом?
- Да без разницы. Не торопитесь, у нас еще есть время, около получаса, чем вас занять? Желаете журналы, газеты, видеофильмы?
- У вас даже видео имеется?
- У нас есть все, включая мозговые иллюзорные постановки, проще МИП. Вашей цивилизации сей феномен пока незнаком.
- А в чем суть? Можно кратко?
- Суть его в том, что перед нами разыгрывается натуральное действие, созданное искусственным интеллектом и воспринимаемое вашим головным мозгом. Никакие обычные приборы его не фиксируют, включая зеркало.
- Типа голограммы?
- Товарищ Михаил, голография для нас такая же глубокая старина, как для вас каменный топор. У нас есть в запасниках несколько образцов, но как музейные экспонаты. Искусственный интеллект будет куда эффективней!
- Мом, я не спрашиваю, что такое этот искусственный интеллект, боюсь, все равно не пойму, – подхватил разговор переводчик, радуясь, что это увлекло серебристого.
- Разумеется, не поймете, у вас закрытый мозг. Не ломайте голову, что значит закрытый мозг, если интересно, я вам попытаюсь объяснить, пока выжидаем время до встречи с Мастером. Согласны или поглядим МИП?
- Согласен! МИП мы еще успеем глянуть, давайте расскажите насчет закрытых мозгов, что там у нас? – Михаил сделал вид, что эта тема его очень заинтересовала.
- Итак, вам знакома печная труба? Вы топили когда-нибудь печь углем, дровами, не важно чем, но топили?
- Да, топил, у бабушки в гостях, когда бывал у нее в деревне. Они печь топили дровами, там еще такая заслонка наверху в трубе имеется, чтоб регулировать выход тепла! – согласился Кремнев, примериваясь, как бы ему поудобнее вырубить Мома. С виду мужичонка хлипковат,

но кто его знает, что у этих шестипалых под одеждой? Его, Михаила, учитель рукопашного боя, этнический китаец, куда слабее выглядел, а пятерых, таких как Кремнев, за пару секунд укладывал мордой в пол. Надо бы поосторожней быть. И чем инопланетянина связать? Отпустить нельзя. Мом должен показать, как транспортолет летает. А если откажется?

– Так вот, ваш головной мозг – это разожженная печь, пышущая жаром. Жар – это интеллект, который печь – мозг воспроизводит, а заслонка – препятствие для выхода его наружу. У всех землян головной мозг устроен на девяносто девять и девять процента одинаково, но почему-то одни гении, а другие полные идиоты, – продолжал свой рассказ серебристый, абсолютно не обращая внимания на задумчивый вид переводчика. Похоже, эта тема ему была особенно близка.

– Да, а почему? – вставил свой вопрос Михаил, чтоб не вызвать подозрений. А связать можно и ремнем.

– А все дело в заслонке, – шире улыбнулся Мом. Похоже, он оседлал любимого конька.

– Да, спасибо, товарищ Мом, все четко и понятно излагаете, только как эту самую заслонку приподнять?

– Никак вы ее сами не приподнимете, это мы решаем, кому даровать интеллект, а кому нет.

– Вы? Но как?

– Каждый родившийся человек попадает в наше поле зрения, у нас все люди значатся в базе данных, мы контролируем каждый их шаг.

– Но нас же миллиарды!

– Это ерунда, для наших технологий нет границ. Даже если б вас стало триллион, вы все равно останетесь нам подконтрольными.

– Фантастика! Извините, а как эта заслонка выглядит? Она имеет какое-то анатомическое строение?

– Да, это анатомическая структура, напоминает тонкую сеть, заброшенную на головной мозг, ее толщина всего несколько молекул. Поэтому доступными вам методами исследования ваши ученые ее не обнаружили, она сливается с паутиной оболочкой. Но этот своеобразный футляр и регулирует ваш разум. Приоткрывая его, ваши мыслительные способности усиливаются, закрывая – уменьшаются.

– Заслонка, да?

– Точно, заслонка! Для ума! – Мом обнажил замечательные зубы в широчайшей улыбке. – Ну что, товарищ Миша, я удовлетворил ваше любопытство?

– Частично, – виновато улыбнулся в ответ переводчик, – хотелось бы большего!

– Ну, за чем же дело стало? Вперед, нас ждет Мастер!

– А что, прошло полчаса?

– Нет, прошло ровно двадцать три минуты, но он вышел со мной на связь и приглашает к себе. Пройдемте к транспортолету!

– А как, простите, Мастер с вами связался, товарищ Мом? Что-то телефона я тут не заметил, и рации тоже не видно.

– Телефон, рация! Ох-хо-хо, – откровенно развеселился инопланетянин, – ну кто ж сейчас этим пользуется? Мы между собой общаемся телепатически! Используем не радиоволны, а биополе, что нас всех окружает. Однако мы заболтались! Вы готовы к выходу? Тогда вперед!

Глава 3

Мом ловко щелкнул пальцами левой кисти, и напротив кровати тихо отошла в сторону часть стены, освобождая узкий проход. Инопланетянин произвел рукой широкий жест, приглашая Михаила проследовать наружу. Выйдя из комнаты, Кремнев очутился в довольно просторном коридоре, покрытом желтоватым шероховатым материалом, напоминавшим тонкую замшу. Ни начала, ни конца коридора видно не было, ни дверей, ни табличек.

– Куда идти? – поинтересовался внезапно окрылившийся лейтенант. – Теперь куда? Направо, налево?

– Прямо! – спокойно ответил Мом и снова щелкнул пальцами.

Перед ними беззвучно отворилась следующая дверь, и они прошли в соседний коридор, по размерам не уступающий предыдущему, но отделанный в светло-лиловый цвет. Тут же находился некий объект, чем-то смахивающий на автомобиль «Волга» без колес и крыши. Серебристый цвет транспортлета выделял его на общем фоне. Четыре мягких кресла: два спереди и два сзади. Квадратный руль впереди, напротив левого кресла. Приборная доска, мигающая зеленоватыми кнопками.

– Не стесняйтесь! Садитесь куда угодно! Можно вперед, можно назад.

– Пожалуй, сяду сзади! – произнес Кремнев и шагнул к транспортлету. В ту же секунду левая боковая дверь раздвинулась, приглашая его на место пассажира, а водителя на свое. Мом резво просочился и сел впереди, взявшись руками за руль. – Ой, извините! – Переводчик вдруг остановился на месте. – Товарищ Мом, разрешите, я схожу в туалет? Совсем забыл!

– Конечно, конечно! – закивал инопланетянин, направив руку на входные двери гостиницы. – Время у нас еще есть! Идите, я вас тут подожду.

Михаил бросился назад. Забежав в уборную, он молниеносно вытянул из брюк ремень и, свернув его в колечко, засунул в левый потайной карман гимнастерки, чтоб при необходимости было удобней употребить его в дело. Затем сорвал с вешалки одно из полотенец и молниеносным движением оторвал от него длинную и широкую полоску. Ей и подвязал начавшие спадать штаны. Оправился. Осмотрел себя в зеркало. Подмигнул и не спеша вышел наружу. Мом сидел в транспортлете в прежней позе и благодушно смотрел вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.